
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Попытки пересмотра итогов войны

В основе единства и стабильности любого современного общества лежит солидарность его граждан, а в основе этой солидарности — принятие и сохранение народом собственной истории. Этот базовый консенсус, если его удастся достичь, составляет основу для формирования национальной идентичности.

Последние двадцать лет российской истории дали нашему обществу целый ряд наглядных уроков того, что история народа, сохраняемая и воспроизводимая в виде коллективной памяти, — это сфера национальной безопасности, и надо соответствующим образом к ней относиться. Последствия непрофессиональных, политически ангажированных, предвзятых и безответственных интерпретаций истории могут быть крайне плачевными. Разрушение позитивного образа исторического прошлого СССР в 1980-е и начале 1990-х гг. стало одной из ключевых предпосылок его распада, в результате было подорвано доверие граждан к институтам государства, произошла девальвация общественных ценностей, утрачена историческая перспектива.

История Великой Отечественной войны и победы в современной России остается одним из краеугольных камней национальной памяти, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп. Осознание этого обстоятельства заставляет с особой ответственностью относиться к повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно происхождения Второй мировой войны, обстоятельств ее развязывания, роли и места Великой Отечественной войны (восточного фронта) в истории XX в.

Несмотря на значительные достижения советской историографии в изучении войны, для историков оставалось немало нерешенных проблем. В литературе не раз отмечалось, что присущее послевоенной советской литературе замалчивание отдельных тем и сюжетов, апологетический подход к оценке деятельности политического и военного руководства, ограничения на работу с архивными материалами и контакты с зарубежными учеными оборачивались определенным снижением уровня исторических исследований¹. С течением времени все сильнее ощущалась необходимость преодоления зависимости исторических сочинений от объяснений и оценок, заимствованных из официальных партийно-государственных документов.

С 1990-х гг. в отечественной историографии начался новый этап, характеризующийся созданием условий для дальнейшего углубления знаний о войне, возможностью критического

осмысления достижений предшествующего периода. Разнообразие подходов при изучении важнейших проблем и изложении взглядов, освоение российскими историками новых пластов зарубежной литературы в целом положительно сказались на объективном освещении малоизученных страниц Великой Отечественной войны. Наряду с методологическим и идеологическим плюрализмом важнейшей предпосылкой совершенствования представлений стала существенно возросшая источниковая база исследований. Подготовка и публикация десятков сборников архивных материалов значительно облегчили историкам работу над всеми без исключения проблемами истории войны, предоставив возможность детального изучения многих ранее практически не рассматривавшихся сюжетов.

Особым образом следует отметить уникальную серию «Русский архив. Великая Отечественная. Документы и материалы»². Для изучения международных отношений накануне и в годы войны, проблем становления и укрепления международного сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, военного и политического взаимодействия союзников большое значение имела публикация сборников дипломатических документов, в ряду которых первое место принадлежит очередным томам продолжающейся серии МИД России «Документы внешней политики»³. Их дополняют материалы ряда тематических сборников; некоторые неизвестные ранее документы публиковались в журналах, приложениях к монографиям и прочее⁴.

Первоочередного внимания заслуживает также открытая публикация изданного в 1980-е гг. ограниченным тиражом (для служебного пользования) многотомного сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»⁵. Документы из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации публикуются в еще одной получившей признание серии⁶, содержание которой интересно не только специалистам, но и широкой читательской аудитории. Эти и многие другие осуществленные в последние годы публикации архивных материалов⁷ обогатили историографию Великой Отечественной войны и способствовали появлению условий для многопланового научного изучения истории войны, исправления и дополнения сложившихся ранее представлений. Кроме того, публикация архивных документов имеет и большую общественную значимость в качестве важнейшего средства разоблачения нередких в современной литературе недобросовестных истолкований и прямых фальсификаций фактов отечественной военной истории.

Первостепенное научное значение имеют подготовка и выпуск фундаментальных научных трудов. Наиболее серьезным достижением советского периода была 12-томная «История Второй мировой войны. 1939–1945», содержание которой и сегодня продолжает сохранять научное значение. В то же время понятно, что расширение источниковой базы не могло не привести к существенной корректировке концептуального осмысления событий Великой Отечественной войны, основанной на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и прочем. Задача подготовки нового обобщающего, комплексного исследования решалась в течение десяти лет (если считать с 1987 г., когда руководством КПСС было принято решение о создании новой 10-томной истории войны). Итогом работы коллектива авторов, ученых институтов РАН (Российской истории, Всеобщей истории, Славяноведения) и Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации стали четыре книги под названием «Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки»⁸, положительно встреченные научной общественностью⁹. В этом труде предпринята попытка раскрыть основные проблемы войны и дать оценку событий не на идеологических догмах, а на научном исследовании с использованием ранее недоступных архивных документов. Еще одним достижением стали коллективные монографии «Мировые войны XX века» в четырех книгах, изданные при финансовой поддержке резервного фонда Президента Российской Федерации, и труд «Война и общество в XX веке» в трех книгах, опубликованные издательством «Наука»¹⁰.

В то же время история Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом остается крайне мифологизированной в общественном сознании. Это объясняется целым комплексом причин, главной из которых является особая роль памяти о войне в общей

структуре социальной памяти народов бывшего Советского Союза. В период существования СССР война была интерпретирована как испытание на прочность всех систем жизнеустройства, сложившегося с 1917 г. Страна этот экзамен выдержала. Важнейшие события войны, начиная от трагического дня 22 июня 1941 г., через Дубосеково, Сталинград, Прохоровку и заканчивая взятием Рейхстага, а также имена ее главных героев вошли в коллективную память как скрепляющие народное единство символы. Победа над фашизмом активно использовалась официальной пропагандой и рассматривалась как доказательство прочности, жизнестойкости социалистического строя, правильности политики модернизации страны, проводившейся коммунистической партией после Гражданской войны.

В конце 1980-х гг. в отечественной историографии началась дискредитация всего того, что ранее рассматривалось как незыблемые ценности. В том числе велась пропаганда, направленная на подрыв тезиса о том, что победа была одержана благодаря советскому общественно-политическому устройству, плановой экономике, особой роли коммунистической партии. Не благодаря, а вопреки — вот основная идея начатой кампании, конкретное содержание которой варьировалось в зависимости от материала, на котором строилась аргументация¹¹. В этот период в историографии Великой Отечественной войны происходило становление направления, основными тезисами которого являются утверждение о фальсифицированности всей советской военной историографии и утверждение необходимости «переосмысления» (ревизии) ее основных положений как единственного средства приближения к «правде истории». Его представителей характеризует настойчивое стремление предложить общественному сознанию принципиально иной взгляд на историю Великой Отечественной войны, нежели тот, который выработала советская историография. Подчеркнем: речь идет не об исправлении и дополнении сложившихся концептуальных представлений, закрытии тех или иных «белых пятен», а о кардинальном перетолковании ключевых событий войны, приписывании им иного, отличного от устоявшегося, смысла.

Выделяя основные направления, по которым наблюдается стремление «подправить» историю Великой Отечественной, специалисты отмечают прежде всего тенденцию возложить на Советский Союз ответственность за развязывание Второй мировой войны, попытки принизить вклад Советского Союза в разгром фашизма, нападки на решения Ялтинской конференции, главным образом касающиеся Польши и других стран Восточной Европы и раздела сфер влияния между Советским Союзом, США и их союзниками, умаление полководческого таланта советских военачальников, сопровождающееся стремлением преувеличить потери Красной армии как в отдельных сражениях, так и в войне в целом¹². В числе тех сюжетов, при освещении которых «в наибольшей степени просматривается стремление подправить историю в антироссийском духе»¹³, прежде всего называются те, что связаны с причинами и предысторией Второй мировой войны. В первую очередь наблюдается стремление свести их к советско-германскому договору о ненападении 23 августа 1939 г., замолчав при этом роль и значение Мюнхенского соглашения с точки зрения причинно-следственных связей, и возложить тем самым ответственность за возникновение войны на И. В. Сталина и Советский Союз¹⁴.

Безусловно, к настоящему времени в отечественной историографии произошла существенная корректировка осмысления событий кануна и первого этапа Второй мировой войны, основанная на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и прочем. Сегодня историки предпочитают рассматривать противоречия между ведущими мировыми державами через призму геополитики, исследующей роль природно-географического фактора в формировании политики и военной стратегии государств¹⁵. Эта тенденция сочетается с постепенным освоением теоретического наследия историков и философов, чьи идеи лежат в русле так называемого цивилизационного подхода. Если в ориентированной на постулаты исторического материализма советской историографической традиции европейский фашизм выступал прежде всего как реакция эксплуататорских классов на рост рабочего и национального движения в мире, как «ударная сила империалистической реакции», то в данном случае в центре исследования оказываются социальные

и культурологические аспекты этого явления. Фашизм и национал-социализм в Германии предстают как порождение определенной культурной традиции, плод культуры и философии Запада. Цели Германии в отношении Советского государства далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры русского и других народов СССР, физическое истребление народов Восточной Европы. Десятилетиями складывавшийся в Германии «образ врага» включал представления о вечности борьбы германцев против славян, культурном призвании и праве европейцев господствовать на Востоке. В этой системе координат Советский Союз (Россия) рассматривался как законная добыча западно-европейских держав, которым предстояло «закончить войну», расчленив СССР и установив над его народами свое колониальное господство.

Игнорирование этих обстоятельств, сведение сути мирового конфликта середины XX в. к столкновению «нацизма с большевизмом» с точки зрения современных научных представлений выглядит поверхностным. В то же время характерной особенностью предлагаемого «переосмысления» является акцент именно на идеологическую составляющую международных отношений. Распространение получило представление о том, что главным содержанием мировой истории после Первой мировой войны была борьба «за либеральную демократию» против двух тоталитарных идеологий — фашизма и коммунизма (сформулированное главным образом в англоязычной литературе в период «холодной войны»). Тезис о тождестве гитлеризма и большевизма, «родстве» Третьего рейха и «сталинского» СССР в 1990-е гг. активно использовался в отвечавшей определенному политическому заказу публицистике и внедрялся в общественное сознание. Прежде всего внимание обращалось на поверхностное сходство использовавшихся технологий легитимации политического порядка, в том числе репрессивных мер, способов взаимодействия государственного и партийного аппарата и прочего. Утверждение подобных взглядов в историографии происходило за счет привлечения исторического материала, относящегося к периоду 1939–1941 гг., в первую очередь советско-германских договоренностей лета — осени 1939 г. и прилагавшихся к ним секретных протоколов. Эти и другие события интерпретировались как подтверждение внутреннего сходства «тоталитарных режимов», сначала сотрудничавших, а затем столкнувшихся из-за обоюдных агрессивных устремлений. В результате во многих современных историко-публицистических сочинениях в разных вариациях повторяются обвинения СССР в экспансионизме, обусловленном либо стремлением к мировой коммунистической революции, либо «имперскими амбициями» сталинского руководства. В этом контексте в 1990-е гг. повторялись попытки ревизовать историческую ответственность Германии за нападение на СССР, распространялись выдумки о подготовке в 1941 г. Советским Союзом нападения на Германию¹⁶.

Отдельного замечания заслуживает концепция тоталитаризма, широко использовавшаяся в 1990-е гг. в качестве универсального объяснения сталинского периода российской истории. Современные историки предупреждают о ее ограниченности как средства научного познания и обращают внимание на ее чрезмерную политизацию в США и Западной Европе. Дискуссии последних лет убедили многих специалистов, что теория тоталитаризма основана на рефлексии двух войн, Второй мировой и холодной, и противоречит многим постулатам методологии истории. В частности, она рассматривает те или иные политические режимы не в динамике, а в статике, не давая картины изменений внутри общества, и совершенно не нацелена на выявление специфики диктатур в различных странах мира. Применение концепции тоталитаризма к политическим режимам Германии и СССР игнорирует проблему их существования в принципиально различающихся социумах¹⁷. «Тоталитаризм не может претендовать на звание созревшей объяснительной теории или даже модели, — делает вывод профессор университета Торонто Дж. Кип, — в лучшем случае, это наводящая на размышление концепция, требующая проверки исторической реальностью»¹⁸.

Большинство современных отечественных специалистов, опираясь на достижения предшественников, развивают реалистический взгляд на достижения и просчеты советской внешней и внутренней политики в 1930-е гг., в то же время подчеркивая незаинтересован-

ность советского руководства в обострении международной обстановки. Это связывается с тем, что в межвоенный период возникла реальная угроза объединения наиболее развитых в экономическом отношении держав против СССР. Важнейшая задача советской внешней политики в 1920—1930-е гг., таким образом, заключалась в том, чтобы найти союзников, предотвратить сплочение могущественных противников на антисоветской платформе и не допустить (или, по крайней мере, максимально отсрочить) вступление страны в войну¹⁹. Этот подход методологически основан на представлениях о конфликте национально-государственных интересов как основной пружине международных отношений в Новое и Новейшее время и является в общем традиционным для отечественной историографии внешней политики СССР. По мнению большинства современных специалистов, советская внешняя политика формировалась под влиянием тех базовых геополитических императивов, которые действовали на протяжении столетий российской истории, изменение же общественно-политического строя сказалось главным образом на идеологическом и пропагандистском обосновании тех или иных конкретных акций.

Альтернативная точка зрения очевидным образом напоминает догматические представления о борьбе коммунизма и капитализма как о «главном противоречии эпохи». В ее основе лежит идеологизация внешнеполитических интересов как противостояния «светлого» и «темного» начал — цивилизации и прогресса в лице «демократии» против отсталости и варварства в лице «тоталитаризма». В данном случае налицо «теологизация собственного исторического проекта, отождествление его с некими общечеловеческими идеалами, которые позволяют выставлять даже преемственные интересы как борьбу за некие вселенские моральные принципы, а соперника — врагом света»²⁰.

В наиболее серьезных трудах последнего времени эти представления безоговорочно отвергаются, прежде всего по причине их методологической узости и очевидного несоответствия всему комплексу накопленного в науке документального материала²¹. Утверждение о равнозначности советско-германских политических и экономических контактов тем дипломатическим и иным шагам, которые предпринимались в интересах создания системы коллективной безопасности (заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи и прочее), является ошибочным и не может быть обосновано без разного рода натяжек, умолчаний и другого насилия над историческим материалом. Тем более что в последние годы историкам стали известны дополнительные документальные свидетельства, подтверждающие серьезность намерений руководства СССР заключить союз с участием Великобритании и Франции (например, «Дневник» Г. И. Димитрова, «Дневник» И. М. Майского и другие) и подчеркивающие приоритетность именно этого направления во внешней политике Советского Союза на протяжении всего периода 1930-х гг.²²

Одним из конкретных воплощений тенденциозных идеологизированных подходов стало отношение историков к советско-германским договоренностям 1939 г. и тем внешнеполитическим акциям СССР, которые были предприняты после их заключения. Авторы, осуждавшие действия советского руководства, чаще всего либо вовсе уклонялись от рассмотрения вопроса о соответствии советского внешнеполитического курса накануне Великой Отечественной войны национально-государственным интересам СССР, либо декларировали наличие ценностей более высокого, «общечеловеческого» уровня, в жертву которым, по их мнению, должны были быть принесены интересы Советского Союза, вплоть до государственного суверенитета²³.

Однако за истекшие десятилетия не удалось с достаточной степенью убедительности обосновать выдвинутое на рубеже 1990-х гг. утверждение о том, что И. В. Сталин пошел на заключение советско-германского договора от 23 августа 1939 г. не в результате срыва англо-франко-советских переговоров, а сознательно выбрав этот вариант в расчете на территориальные приобретения и прочие выгоды²⁴. Тем более неубедительными выглядят примитивные обвинения Советского Союза и лично И. В. Сталина в стремлении к «разделу мира» с Германией уже начиная с Рапальского договора 1923 г.²⁵ В сущности, тезис о том, что заключение пакта Молотова — Риббентропа было предопределено тоталитарной сущностью

сталинского и гитлеровского режимов, является мифом, не имеющим под собой серьезного научного обоснования.

В непосредственной связи с рассмотренными выше проблемами находится обвинение руководства СССР в «провоцировании» Второй мировой войны и подготовке нападения на Германию, результатом которого стала бы «советизация» Европы или ее части. Введенные в 1990-е гг. в научный оборот новые архивные материалы дали возможность ряду отечественных и зарубежных историков и публицистов инициировать дискуссию вокруг проблемы «внезапности» нападения Германии, подготовки Советского Союза к «наступательной войне» или к нанесению «упреждающего удара»²⁶.

Профессор Боннского университета Г. А. Якобсен в одном из своих интервью сказал: «...из многочисленных архивных материалов и из личных бесед с самим Гальдером я вынес убеждение, что Гитлер вовсе не исходил из того, что «русские окажут немцам любезность», напад первыми»²⁷. Другой известный немецкий историк — И. Цукерторт сделал вывод о том, что гитлеровская «выдумка о превентивной войне преследовала две цели: во-первых, придать нападению на Советский Союз хоть какую-то видимость морального оправдания, во-вторых, спекулируя на антикоммунизме, попытаться привлечь на свою сторону западные державы в качестве союзников для разбойничьего «похода на Восток»²⁸.

Во время Нюрнбергского процесса многие немецкие генералы, в частности Ф. Паулус и Г. фон Рундштедт, признали, что никаких данных о подготовке Советского Союза к нападению у них не имелось, а бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче заявил, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в развязывании этой войны повинна не Германия, а Советский Союз», несмотря на то что «никаких оснований к тому, чтобы обвинить СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было»²⁹.

Таким образом, на основе изучения архивных материалов российские и зарубежные историки достаточно давно пришли к вполне определенным выводам. С самого начала планирования Германией войны против СССР она последовательно и неуклонно готовилась к агрессии против Советского государства, ставшей фактом 22 июня 1941 г. Что же касается возможных ответных действий СССР, то в оперативно-стратегическом планировании германского военного командования вариант наступательных действий Красной армии в расчет даже не принимался. Ни А. Гитлер, ни другие представители нацистского руководства не верили в возможность нападения Советского Союза на Германию и не располагали ни дипломатическими, ни агентурными сведениями на этот счет. Не случайно германскому правительству пришлось впоследствии изрядно поломать голову над тем, как обвинить СССР в «нелояльности» и подготовке «удара в спину» Германии «во время ее смертельной схватки» с Англией³⁰.

Вопрос о характере германского нападения на СССР можно считать закрытым — это была неспровоцированная агрессия. Тем не менее некоторые авторы не считают немецкую оценку советских военных приготовлений адекватной реальному положению дел. По их мнению, нацистское политическое руководство, генералитет и спецслужбы ошибались, расценивая приготовления Советского Союза к войне как оборонительные, в то время как в СССР замыслили «освободительный поход» в Европу и вели подготовку к нападению на Германию уже летом 1941 г.³¹ Таким образом, пусть и допустив весной 1941 г. ошибку относительно ближайших намерений И. В. Сталина, нацисты в целом оказались правы, и их война против СССР в широком смысле должна рассматриваться как превентивная. Для придания этой точке зрения правдоподобности используются рассекреченные в начале 1990-х гг. документы советского предвоенного военно-стратегического планирования, а также материалы пропагандистской подготовки к будущей войне.

Не подлежит сомнению, что агрессия Германии против СССР являлась реализацией программной установки А. Гитлера на завоевание «жизненного пространства» на востоке Европы и уничтожение Советского Союза как национально-государственного формирования и социальной системы. Обвинение Советского Союза о его «намерении с тыла атаковать

Германию» прозвучало из уст официальных представителей нацистской Германии уже летом 1941 г., сразу после нападения на СССР. В заявлении посла В. Шуленбурга советскому правительству, а также в меморандуме, врученном 22 июня 1941 г. советскому послу в Берлине, говорилось: «Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германской восточной границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной армии, германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры»³². Кроме того, такое объяснение причины решения начать войну против СССР было озвучено А. Гитлером в обращении к немецкому народу.

После войны в работах некоторых бывших генералов и офицеров вермахта, а также чиновников Третьего рейха, стремившихся оправдать свое участие в подготовке и осуществлении плана «Барбаросса», тезис о превентивном характере гитлеровского нападения был повторен. На допросе 17 июня 1945 г. начальник штаба при ставке верховного главнокомандования вермахта А. Йодль заявил: «Существовало политическое мнение, что положение усложнится в том случае, если Россия первой нападет на нас. А поскольку раньше или позже, но война с ней неизбежна, нам лучше самим выбрать время для нападения»³³. Германия в выступлениях этих авторов рисовалась как «хранительница Европы», «барьер против распространения коммунистического панславизма»³⁴. Утверждалось, будто бы И. В. Сталин был намерен завоевать всю Европу, и если бы Красная армия и не напала на Германию в 1941 г., то непременно сделала это позднее, поэтому «решение Гитлера начать превентивную войну в целях сдерживания советской экспансии» получило поддержку. Таким образом, в понятие превентивности военно-политическим руководством Германии вкладывался более широкий смысл, не сводимый к проблеме подготовки Советским Союзом «упреждающего удара».

Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, — спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г., но это еще отнюдь не означает, что И. В. Сталин непременно напал бы на Германию. Мощь Красной армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского Союза.

К числу наиболее дискуссионных проблем, связанных с началом Великой Отечественной войны, относятся вопросы о степени готовности Советского Союза к войне, причинах поражений Красной армии в июне 1941 г. и ответственности за это советского политического и военного руководства.

Начиная с доклада Н. С. Хрущёва XX съезду КПСС, одной из главных причин поражений Красной армии в начале войны принято считать репрессии 1937–1939 гг. Значительная часть командно-начальствующего состава была уволена из РККА и арестована. Однако считать, будто в результате репрессий был утрачен весь «офицерский корпус» Красной армии или хотя бы его половина, нельзя. Для объективной оценки этой трагической страницы советской истории нужно иметь в виду, что к 22 июня 1941 г. численность командного и начальствующего состава Красной армии составляла около 450 тыс. человек. Некоторые публицисты и историки, как правило, апеллируют к тому, что в результате репрессий Красная армия была лишена наиболее подготовленных кадров. Так ли это? Данные об уровне подготовки военных кадров перед войной свидетельствуют о неуклонном росте числа офицеров, имевших высшее военное образование. Перед началом репрессий академическое образование имели 29% представителей советского высшего командного состава (генералитета), в 1938 г. — 38%, а в 1941 г. — уже 52%³⁵. Не отрицая, что репрессии нанесли ущерб подготовке нашей страны к возможной войне, следует все же отметить, что историкам до сих пор не удалось на конкретном материале показать, какое влияние оказали репрессии на ход вооруженного противоборства после 22 июня³⁶.

Современные военные историки, опираясь на анализ хода сражений начального периода Великой Отечественной войны, в качестве главной причины поражения Красной армии на-

зывают вовсе не репрессии. Прежде всего немецкому командованию посредством тщательно спланированной кампании по дезинформации удалось сохранить свои приготовления в тайне и до середины июня поддерживать у советского руководства иллюзию, что начало конфликта удастся оттянуть посредством дипломатических переговоров. В то же время сдерживающее влияние на советские военные приготовления оказывали и стратегические соображения: если бы А. Гитлеру удалось выставить Советский Союз виновником конфликта, это могло бы, как опасались в Москве, стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств.

Таким образом, к настоящему времени в освещении причин поражения Красной армии в начале Великой Отечественной войны достигнут определенный прогресс, заключающийся в конструировании рационального объяснения действий советского руководства накануне 22 июня 1941 г. при отказе от ссылок на «необъяснимую слепоту», «маниакальную уверенность» И. В. Сталина (или упрямство, глупость и тому подобные факторы), что было свойственно советской историографии со времен «разоблачения культа личности», а затем значительно усилено в 1980–1990-е гг. Методология использовавших подобные модели объяснения авторов не заходила дальше сведения причин поражений 1941 г. к существовавшему тогда в СССР политическому режиму — «системе личной власти», при которой, дескать, только и возможны подобные «необъяснимые» просчеты. Этот путь представляется бесперспективным: очевидно, что ссылки на политический режим в данном случае ничего объяснить не могут, прежде всего потому, что принятие решений такого рода в любой стране и при любом режиме является прерогативой узкого круга высших руководителей государства. Любителям же исторических параллелей достаточно вспомнить, что демократический режим не помог Франции избежать разгрома в 1940 г., как не помогла демократия Соединенным Штатам Америки избежать катастрофы в Пёрл-Харборе, несмотря на предупреждения разведки.

Что касается других причин трагического начала войны, то специалисты обращают внимание на незавершенность программы перевооружения Красной армии (рассчитанной минимум до 1942 г.), недостатки организационной структуры ВВС и механизированных соединений. Предпринимая в 1940 г. масштабную реорганизацию, руководство страны и командование РККА, судя по всему, не учитывали вероятности вступления СССР в войну уже в следующем году. Не имея возможности обеспечить армию вооружением и материальными средствами в соответствии с установленными штатами и должным образом оборудовать театр военных действий, командование Красной армии тем не менее под влиянием изменившейся обстановки не сумело внести изменения в порядок реорганизации и привести количество соединений и их штатную численность в соответствие с имевшимися в наличии техническими средствами. Одним из следствий этого стала недостаточная обученность личного состава подразделений всех родов войск. Вынужденная экономия горючего и боеприпасов, нехватка ремонтной техники и средств подвоза горючего, недостаток средств связи не давали возможности в должной мере подготовить танкистов и летчиков, отработать взаимодействие частей на поле боя и их обеспечение в полевых условиях. Эти факторы не могли не сказаться негативным образом после начала войны³⁷.

Одной из наиболее политизированных является проблема коллаборационизма граждан Советского Союза в годы Второй мировой войны. Основные трактовки, искажающие суть данного явления и его масштабы, восходят к нацистской пропаганде времен Второй мировой войны и преимущественно представлены на страницах изданий, так или иначе связанных с эмигрантскими кругами и организациями, созданными при активном участии бывших участников власовского движения (НТС, журнал и издательство «Посев» и прочие). Сотрудничество в годы войны части граждан СССР с нацистами объясняется прежде всего идеологическими причинами: неприятием сталинского режима и «социалистического эксперимента». Численность коллаборационистов всячески преувеличивается, в то же время замалчивается беспрецедентный характер принуждения советских граждан к коллаборационизму со стороны оккупантов в нарушение всех норм и обычаев войны. Вынужденное сотрудничество советских

граждан с врагом подается как проявление некоего «антисталинского протеста». Тем самым власовское движение получает моральное оправдание, а русофобская сущность нацистской политики затушевывается³⁸. Эти трактовки служат основанием для отрицания правомерности названия «Отечественная война» применительно к войне СССР против Германии.

Ложность указанной концепции, ее крайняя идеологизированность и тенденциозность не вызывают сомнений. Они основаны на ряде подтасовок: во-первых, термин «коллорабионизм», традиционно используемый для обозначения добровольного, прежде всего политического сотрудничества с врагом, необоснованно применяется в данном случае для обозначения любого, в том числе вынужденного взаимодействия с оккупантами; во-вторых, в результате этой подмены происходит необоснованное увеличение численности коллаборационистов; в-третьих, в свою очередь, раздувание масштабов явления служит затем одним из обоснований тезиса о его «закономерности» и обусловленности внутренними пороками советского строя³⁹.

Виноватыми в трагедии сотен тысяч людей, оказавшихся во власти оккупационного «нового порядка», таким образом, оказываются не нацисты, отказавшиеся для достижения победы в войне от соблюдения каких бы то ни было правил войны, моральных норм и проводившие политику геноцида на оккупированных территориях, а И. В. Сталин и его режим. Вот как рассуждают некоторые авторы, приводя цифровые данные (разумеется, максимальные из тех, что можно почерпнуть из исторической литературы): «Никогда в русской истории такое количество русских людей не сотрудничало с врагом. В докладах об Отечественной войне наших лидеров хотелось бы услышать, что это И. В. Сталин, советская власть, большевистская партия и госбезопасность довели сотни тысяч граждан своей страны до самого страшного в жизни человека — до готовности сотрудничать с врагом России»⁴⁰. Особенности «исследовательского метода» сторонников данной точки зрения заставляют высказать предположение о сознательной манипуляции. При истолковании источников в данном случае используется один и тот же прием: любое отраженное в документах (письмах солдат, материалах советской цензуры, документах особых отделов НКВД и военной прокуратуры) проявление недовольства военнослужащих Красной армии рассматривается как свидетельство наличия «протестного настроения» в обществе, направленного против советского строя — «сталинской системы несвободы»⁴¹. Используя такую «методологию», можно действительно подверстать к «антисталинскому протесту» сотни тысяч людей. Характерно, что необоснованность такого представления подчеркивается и в немецкой научной литературе. «Утверждение, что в целом от 800 тыс. до 1 млн советских граждан, которые в той или иной форме делали это сознательно, по политическим убеждениям выступая против советского руководства, проходит мимо исторических реальностей», — пишет, например, специалист по истории военного плена К. Штрайт⁴².

Важнейшей предпосылкой коллаборационизма граждан СССР явился особый характер войны, которую вела нацистская Германия против Советского Союза. Антибольшевистские и антисталинские лозунги были лишь прикрытием нацистских планов и предназначались для того, чтобы облегчить их реализацию, расколов советское общество и дезориентировав Красную армию. Кроме того, гитлеровцами делалась ставка на разобщение и срамливание между собой народов СССР по национальному признаку. Представители национальных меньшинств подвергались пропагандистскому воздействию, призванному возбудить в них националистические чувства и противопоставить их русским как государствообразующей нации⁴³. Беспрецедентная жестокость оккупантов и сознательное нарушение ими законов и обычаев войны, выразившиеся в масштабном принуждении советских граждан к коллаборационизму, — именно это и создало условия для широкого вовлечения людей, в том числе военнопленных Красной армии, в сотрудничество с врагом в разнообразных формах.

Сегодня оправдание А. А. Власова и власовцев гораздо опаснее для национального самосознания, чем любое благостное мифотворчество по поводу выдающейся роли в отечественной истории И. В. Сталина, Л. И. Брежнева или даже Л. Д. Троцкого. Оправдание

власовцев провоцирует оправдание коллаборационизма как такового и явно или неявно подводит к оправданию гитлеровской войны на уничтожение против СССР.

Еще одной темой, изрядно мифологизированной в современном массовом сознании, является история создания и применения штрафных частей и заградотрядов. В данном случае некоторые авторы преследуют цель обосновать тезис о том, что успехи Красной армии на фронте были обусловлены прежде всего масштабностью карательных мероприятий, проводившихся в годы войны для «принуждения к героизму» советских солдат и офицеров. Внушается, что без этой системы принуждения советский народ был не в состоянии защитить свою Родину, более того, массовое дезертирство и отказ солдат воевать «за Сталина» вызвал бы развал армии и дезорганизацию тыла. В конечном счете преувеличение роли штрафных частей и заградотрядов служит задаче развенчать войну как Отечественную, представить ее столкновением двух тоталитарных режимов, жертвами которых оказались немецкий и русский народы.

Такой подход являлся традиционным для части создававшейся в годы «холодной войны» на Западе историко-публицистической литературы о Второй мировой войне, где стойкость и мужество советских воинов нередко объяснялись страхом перед «железной дисциплиной комиссаров» и «расстрельными командами». В то же время он идеологически перекликается с содержанием нацистской пропаганды времен войны, также широко использовавшей образ бесчеловечных евреев-комиссаров и бойцов заградотрядов, якобы силой гнавших русских солдат «на убой» ради И. В. Сталина и его друзей, англо-американских капиталистов⁴⁴. И тогда, и сегодня в качестве примера жестокости советского командования в первую очередь приводится приказ народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г., известный как «Ни шагу назад!». Однако соблюдение принципа историзма, помещение этого и других документов той эпохи в широкий исторический контекст немедленно выявляет тенденциозность такой их интерпретации. Было ли нечто «новаторское» в самой постановке вопроса: запрете частям отступать без приказа? Очевидно, в любой армии оставление солдатом своего поста, воинской частью своей позиции без приказа вышестоящего командира рассматривается как чрезвычайное происшествие, в условиях военного времени — как преступление. В России эта норма была закреплена в воинских уставах в период создания регулярной армии. Вот примеры из документов Петра I: «...никто из господ генералов с места баталии прежде уступать не имеет, пока он от своего командира к тому указ не получит. Кто же место свое без указа оставит, или друга выдаст, или бесчестный бег учинит, то оный будет лишен и чести, и живота»; «...есть ли какою причиною или множеством назад пожмут, и тогда отнюдь не должен никто бегать назад, но стоять до последнего человека как доброму солдату надлежит под наказанием смерти, так же и во время бою приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия». Есть ли принципиальное отличие подхода к проблеме Петра I от содержания приказа «Ни шагу назад!»?

Несостоятельность в искажении истории штрафных частей и заградотрядов доказывается рассекреченными в последние годы архивными документами. Представление о масштабах репрессий дает следующая статистика: например, в период с 1 октября 1942 по 1 февраля 1943 г. в частях Донского фронта были арестованы 203 «паникера и труса», из которых расстреляны 49 человек, направлены в штрафные подразделения 139 человек. Еще 120 человек, по данным особого отдела фронта, были расстреляны «перед строем по постановлениям особых органов». Много это или мало? Для сравнения: численность войск Донского фронта к началу Сталинградской наступательной операции составляла 307,5 тыс. человек. Что касается штрафных частей, то известно, что с сентября до конца 1942 г. в штрафные роты и батальоны Красной армии были направлены 24 993 человека. Общая же среднемесячная списочная численность личного состава действующих фронтов в четвертом квартале 1942 г. составляла 6343 тыс. человек. Численность штрафных частей не позволяет говорить о них как о факторе, оказавшем хоть сколько-нибудь существенное влияние на ход и результаты военных действий. Что касается заградотрядов, то историкам неизвестны случаи (и подтверждающие их архивные документы), когда они стреляли бы по своим войскам⁴⁵.

Еще одной темой, подвергающейся настойчивой мифологизации не только на Западе, но и в нашей стране, является освободительная миссия Красной армии в Европе. В данном случае основным направлением фальсификации является создание негативного образа Красной армии как банды насильников и убийц, учинившей в Европе массовые насилия над мирным населением освобожденных стран, прежде всего Германии. Ставшие достоянием гласности отдельные факты совершенных военнослужащими Красной армии преступлений против мирных жителей Германии неправомерно выдаются за типичные, характеризующие поведение советских солдат в целом. Сам факт того, что военнослужащими советской и других союзных армий совершались убийства, грабежи, насилия над женщинами, никто из историков не отрицает. В нашей стране опубликованы документы, содержание которых не оставляет сомнений: неизбежные спутники любой войны — преступления против мирных жителей имели место. Проблемы связаны с интерпретацией этих фактов, оценками и выводами, которые делаются на их основе. Историки нередко сталкиваются с нарочитым стремлением ряда авторов к обличению именно воинов Красной армии, из-за чего создается впечатление, что бесчинства в отношении мирных жителей чуть ли ни характерная черта поведения советских военнослужащих, объяснить которую можно лишь ссылкой на искалеченные «сталинским тоталитаризмом» души или особое «азиатское варварство». Именно так подается эта проблема в книге британского историка Э. Бивора, по логике которого символом советской армии-освободительницы должен был стать солдат с горящим факелом, выбирающий себе жертву среди укрывшихся в темном бункере немецких женщин. В качестве иллюстрации приводятся почерпнутые из некоторых источников факты⁴⁶. Но правомерно ли подавать их как проявление чего-то особенного, исключительного, характеризующего поведение главным образом советских военнослужащих? Доступные историкам материалы, напротив, свидетельствуют о том, что данные случаи не носили массового характера. При этом советское командование предпринимало немало усилий для поддержания дисциплины и пресечения случаев мародерства и насилия, и попытки представить дело иным образом являются злонамеренной ложью. Всего за жестокое отношение к мирному населению, в том числе изнасилование, были преданы суду военного трибунала 4148 советских военнослужащих. Это соответствует числу солдат союзников, попавших под военный трибунал за изнасилования в 1944–1945 гг.⁴⁷

Нетрудно убедиться, что в западных зонах оккупации командованию союзных армий также приходилось прилагать усилия для предотвращения и пресечения бесчинств своих военнослужащих в отношении мирного населения. В Штутгарте французскими частями были изнасилованы 1198 женщин, в Виллингене — 500⁴⁸. С особой жестокостью обращались с населением американские солдаты на Востоке, что признавал даже генерал Д. Макартур.

На основе «клиповой» подборки образов ряд современных авторов делает выводы, лживые от начала и до конца. Например, некоторые из них заявляют: «Сталин принял решение изгнать немцев... Сталин решил создать на подлежащих аннексии территориях такую обстановку террора и ужаса, чтобы немцы сами... бежали, ползли на запад»⁴⁹. Эту «гипотезу» нельзя подкрепить документальными доказательствами: таких документов нет. Сопоставление содержания приказов гитлеровцев, провоцировавших и прямо предписывавших бесчеловечное отношение солдат и офицеров вермахта к советским людям, и приказов советского командования исключает возможность какого-либо уподобления поведения немецких оккупантов в России и советских солдат-освободителей в Германии. Так, в директиве Ставки ВГК от 20 апреля 1945 г. содержался приказ «изменить отношение к немцам, как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше». На основании этого приказа были приняты меры для предупреждения бесчинств в отношении мирного населения⁵⁰. Документы военных советов фронтов и армий свидетельствуют, что наряду с разъяснительной работой в частях советское командование широко использовало и карательные меры, виновные привлекались к ответственности.

Отдельного разговора заслуживает проблема людских потерь Советского Союза в Великой Отечественной войне. Без сомнения, эта тема остается одной из центральных для любого

публицистического материала «обличительного» характера. Крайняя тенденциозность при обращении к ней проявляется, как правило, в стремлении того или иного автора кощунственно говорить о жертвах, понесенных народами СССР ради свободы и независимости своей Родины, в рыночных категориях «цены» и «качества оказанных услуг».

Преувеличение размеров потерь, сопровождающееся рассуждениями о «чрезмерной цене» одержанной победы, направлено на дискредитацию советских полководцев, в первую очередь маршала Г. К. Жукова, и на создание в общественном мнении его образа как «мясника». Шире — на дискредитацию советской политической системы, якобы неспособной к эффективным действиям ни в экономической, ни в социальной, ни в военной сферах. Лейтмотивом при этом является мысль, что огромные людские потери нашей страны объясняются прежде всего «пренебрежительным и неряшливым» ведением войны, «грубейшими ошибками как партийного руководства страны, так и военного»⁵¹, а вовсе не силой и опытом противостоящего нам врага.

В настоящее время историки располагают основательной документальной базой для изучения данной проблемы, и за последние двадцать лет специалистами проведено немало научных исследований, результаты которых опубликованы⁵², в том числе и в настоящем труде. Тем не менее в некоторых средствах массовой информации до сих пор продолжают тиражироваться сведения, дезориентирующие широкую общественность. Полученные в результате многолетней работы отечественных демографов и военных историков данные объявляются «псевдопатриотической пропагандой», а обществу внушается мысль, будто людские потери СССР до сих пор не подсчитаны и сделать это невозможно, так как современные российские власти якобы заинтересованы в сокрытии правды. В результате появляется возможность внедрения в общественное сознание мифа о том, что причиной победы нашей страны в Великой Отечественной войне было численное превосходство и равнодушие советских полководцев к сбережению жизни солдат, популяризация объяснений по типу «труппами завалили».

Результаты исследований отечественных демографов за последние двадцать лет не раз прошли независимую экспертную проверку, в том числе и зарубежными специалистами, и признаны вполне обоснованными. То же самое можно сказать о потерях Красной армии: результаты статистического исследования, выполненного в Генеральном штабе Вооруженных сил Российской Федерации, приняты сообществом специалистов-историков как надежная база для дальнейшего уточнения названных цифр.

Немало усилий приложили политики и недобросовестные исследователи ряда стран, как бывших советских союзниц, так и противников, для искажения причин и значения вступления СССР в войну против Японии, явившуюся логическим продолжением Великой Отечественной войны советского народа за обеспечение территориальной целостности, безопасности и суверенитета своей страны и оказание интернациональной помощи союзникам в разгроме дальневосточного агрессора и народам Восточной Азии в борьбе за свою свободу и независимость.

Антинаучный, политико-идеологический тон в этом деле задал не кто иной, как американский президент Г. Трумэн, в свое время вслед за скончавшимся 12 апреля 1945 г. Ф. Рузвельтом весьма настойчиво добивавшийся на Потсдамской конференции вступления Советского Союза в войну против Японии (в частности, в беседе с И. В. Сталиным 17 июля 1945 г. в период Потсдамской конференции руководителей трех великих держав он на основании тщательного анализа обстановки с членами Объединенного комитета начальников штабов вновь подтвердил, что «США ожидают помощь от Советского Союза»⁵³, безапелляционно заявив в 1947 г., что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией»⁵⁴. С тех пор в западной, в первую очередь американской историографии стали появляться разного рода теории и версии, призванные фальсифицировать военно-политические события Второй мировой войны на Востоке. В последнее время и некоторые «новые западники», в частности польские историки, помогают ей в этом⁵⁵. Был принят на вооружение целый арсенал аргументов, принижающих роль советско-германского фронта и влияние его на ситуацию на других фронтах коалиционной Второй мировой войны, перечеркивающих

решающее значение операций Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке для завершения в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями разгрома Японии, доказывающих «исключительные» заслуги американских вооруженных сил в разгроме и принуждении Японии к капитуляции.

Что касается непосредственной роли Советского Союза в принуждении Японии к миру, то западные историографы стараются ее или исказить, или не заметить, или принизить. Американские, английские историки, а вместе с ними и гоминьдановские на Тайване нередко идут на прямую фальсификацию. Известно, что участие Советского Союза в войне против Японии было обусловлено неоднократными просьбами руководителей союзных государств, особенно на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Они мотивировали это недостатком собственных сил и средств, трудностями войны с Японией, особенно на континенте и в метрополии, что повлекло бы многомиллионные человеческие жертвы. По весьма взвешенным оценкам союзников, война на Востоке могла затянуться еще по крайней мере на полтора-два года, и она унесла бы жизни не менее 1,5 млн солдат и офицеров их армий, а также около 10 млн жизней японцев. А по прогнозам многоопытного главнокомандующего вооруженными силами союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны американского генерала Д. Макартура, учитывая фанатизм японского солдата, война могла бы продлиться еще 5–7 лет.

Однако вот уже более шестидесяти лет в ряде работ вслед за Г. Трумэном повторяется мысль о ненужности советского участия в разгроме Японии или его незначительности. Так, тот же генерал Д. Макартур, «позабыв» о своих прогнозах 1945 г. и рекомендации не высаживать американские войска на Японских островах до начала военных действий Советским Союзом, в 1960-е гг. писал: «Хотя в 1941 г. я настаивал на участии России в войне, чтобы отвлечь японские силы от южной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии, к 1945 г. ее участие стало ненужным»⁵⁶. Э. Экшен в вышедшей в 1986 г. в Лондоне и Нью-Йорке книге «Россия: настоящее и прошлое» пишет: «После капитуляции Германии Советский Союз присоединился к коалиции против Японии — шаг, представляющийся излишним в военных условиях, создавшихся после уничтожения Хиросимы и Нагасаки»⁵⁷. 8 августа 1945 г. СССР объявил войну Японии, и сделал он это вслед за атомной бомбардировкой Хиросимы с тем, чтобы обеспечить себе участие в войне до того, как Япония капитулирует или будет разгромлена, утверждают авторы американской военной энциклопедии⁵⁸.

Грубо фальсифицируются и мотивы вступления СССР в войну против Японии. Автор статьи под названием «Проблемы Токийского трибунала» в японском журнале «Japan Echo» М. Такэяма обрушивается с яростной критикой и обвинениями в адрес СССР в том, что будто бы это вступление не вызывалось политикой, которую вело японское правительство в ходе войны, особенно в последний период. При этом М. Такэяма в чисто декларативной форме навязывает читателям мысль о том, что Япония никогда не нападала на Советский Союз, а после заключения пакта о нейтралитете тем более придерживалась взятых на себя обязательств, и в заключительной части статьи утверждает, что участие советской стороны в войне с Японией явилось «местью за японскую войну 1904–1905 гг. и сибирскую экспедицию 1918–1922 гг.» (под которой следует понимать вооруженную интервенцию Японии на Дальнем Востоке и в Сибири)⁵⁹.

В арсенале американской военной историографии активно используются миф о том, что Советский Союз вступил в войну с Японией тогда, когда та была уже разгромлена союзными силами при решающей роли США, и тезис о понимании японцами неотвратимости и неотразимости военных операций вооруженных сил США на Японских островах, что якобы и обеспечило принятие условий капитуляции до их вторжения.

В отечественной историографии признаются крупный, решающий вклад США в общую победу над Японией, успехи американских военно-морских и военно-воздушных сил в разгроме японского флота и авиации в акватории Тихого океана⁶⁰. Но невозможно признать правдивой существующую в Америке версию, что вооруженная борьба на Азиатско-Тихоокеанском театре войны из-за его специфики и отдаленности от Европейско-Атлантического

театра носила совершенно независимый характер, являлась самостоятельной войной и что результаты борьбы достигались лишь усилиями американской стороны. Именно этот лейтмотив лежит в основе рассуждений, например современного официального историка США Р. Спектора⁶¹. При подаче материалов о Д. Макартуре, Ч. Нимице и других военачальниках их величают в США не иначе как победителями Японии и чаще всего умалчивают о коалиционном характере войны и действиях других союзников, особенно об усилиях Советского Союза⁶². Ни слова не сказано о вкладе СССР в разгром Японии в крупном труде современного американского исследователя П. Далла⁶³. Констатацией факта вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г. (без оценки его значения) ограничился в крупной работе о войне на Тихом океане Р. Спектор⁶⁴. Всячески преувеличивая и, по сути, абсолютизируя роль Соединенных Штатов, американская историография тем самым проводит линию на умышленное принижение вклада Советского Союза и его вооруженных сил в разгром милитаристской Японии.

Это особенно наглядно прослеживается в официальных изданиях, например в статьях американской энциклопедии «Энциклопедия американца» и английской энциклопедии «Британика». Американский труд, рассматривая вопрос о причинах разгрома Японии, вкладе Вооруженных сил СССР, как и вышеупомянутые П. Далл и Р. Спектор, вообще не упоминает, а английский отводит всего несколько слов, тогда как Соединенные Штаты в том и другом изданиях изображаются в виде некоего мифического гиганта, который одной рукой вел континентальную войну в Европе, а другой — морскую войну на Тихом океане.

СССР не претендует на столь широкий «размах руками», но бесспорным является то, что, ведя самые кровопролитные сражения с главной силой фашистско-милитаристского блока на советско-германском фронте, он оказывал мощное влияние как на характер вооруженной борьбы на Тихом океане, так и на ее размах. В этой связи следует напомнить, что японские империалистические круги никогда не оставляли планов расширения своей империи за счет советской территории. Поэтому у восточных границ СССР в ожидании благоприятного момента для нападения находилась в постоянной боевой готовности, совершая сотни провокаций, примерно миллионная группировка японских сухопутных войск. Это вынуждало советское правительство на протяжении всей войны держать на Дальнем Востоке такие же крупные силы (30–50 дивизий только сухопутных войск), способные отразить возможные удары японцев с маньчжурского плацдарма, с Сахалина и Курил. Это обстоятельство объективно породило и обратную зависимость, непосредственно влиявшую на характер и масштабы войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе: отлаженная машина — Квантунская группировка японских войск, которая могла бы значительно увеличить и без того большой размах и эффективность вооруженной борьбы Японии против США, Китая и их союзников, «до наступления благоприятного момента» оказывалась в бездействии. И бездействовала она не по своей воле: даже во второй половине 1942 г., то есть в самый критический момент для западных союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, а для СССР — на советско-германском фронте, Советский Союз держал на Дальнем Востоке против японской группировки почти столько же войск и военной техники, сколько имели на театре Соединенные Штаты и Англия вместе взятые⁶⁵.

Присутствие такой крупной группировки Вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке объективно оказывало неопределимую помощь союзникам СССР по антифашистской коалиции на протяжении всей войны на Азиатско-Тихоокеанском театре. Западная историография при рассуждениях о единоличном вкладе США в победу над Японией обычно «забывает» учитывать этот немаловажный и постоянно действовавший фактор и делает акцент на отказе СССР вплоть до августа 1945 г. от непосредственного участия в военных действиях против Японии. Правительство СССР по понятным причинам не могло в то время пойти навстречу предложениям союзников, хотя и оказывало существенную помощь Китаю в его борьбе против японского агрессора. Только после того, как усилиями Советского Союза был достигнут перелом в войне, глава советского правительства И. В. Сталин на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) дал принципиальное согласие на вступление

в войну против Японии, обусловив его сроки капитуляцией главного врага — нацистской Германии.

В начале 1945 г., когда война в Европе переместилась полностью на территорию Германии и участь последней была практически предрешена, милитаристская Япония все еще оставалась значительной преградой на пути к долгожданному миру, преодолеть которую в ближайшие несколько лет участвовавшие в то время в войне против Японии союзники самостоятельно не могли. Более того, японское командование оказалось способным в марте 1944 г. предпринять крупное наступление в Бирме для захвата Импхальской долины на центральном участке фронта и нарушения Ассамской линии коммуникаций союзников, в апреле 1944 г. на Китайском ТВД начать невиданную по своим масштабам стратегическую наступательную операцию под кодовым наименованием «Итиго» («№ 1») с целью установить железнодорожные сообщения Пекин — Ханькоу, Кантон — Ханькоу и Хунань — Гуанси (Гуйлинь), обеспечить сплошную коммуникационную линию из Северного Китая в Южный, а также захватить американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае. В ходе боевых действий в апреле — декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн солдат и офицеров, 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, около 2 млн кв. км территории с населением 60 млн человек. Японские войска захватили 45 городов и несколько американских аэродромов, вывели из строя около 100 гоминьдановских дивизий. Лишь весной 1945 г. союзникам удалось восстановить утраченные в Бирме и Китае позиции, однако военные действия ими были здесь окончательно свернуты⁶⁶.

Важной, отдельно стоящей проблемой, вызывающей неугасающие споры у историографов войны на Тихом океане, является вскрытие причин неожиданно быстрого для союзников принятия Японией решения о капитуляции. Нет сомнения в том, что и сброшенные на японские города атомные бомбы, и вступление Советского Союза в войну, и продолжавшиеся ее морская блокада союзниками со стороны открытого океана, и воздушные бомбардировки японской территории, и ухудшение для японской армии ситуации на других фронтах — все это сыграло свою важную роль в приближении дня капитуляции страны. И, казалось бы, нет нужды подробно останавливаться на непосредственных причинах и механизме принятия японской верхушкой окончательного решения. Однако в зарубежной историографии по-прежнему время от времени появляются высказывания о том, что атомная бомба решила исход войны, так как дала якобы ощутимый военный эффект и предоставила императору Хирохито шанс оправдать в глазах народа решение о капитуляции; что применение бомбы было гуманно с точки зрения человеческой морали, ибо она «явила собой средство предотвращения любой войны»⁶⁷; что Советский Союз «навязал» союзникам свое ставшее уже ненужным участие в войне против Японии, чтобы «не опоздать к дележу пирога»⁶⁸, и это участие было чуть ли не чисто символическим⁶⁹, и другие претендующие на истину утверждения официальных лиц, историков и журналистов, касающиеся оценки факторов, приведших Японию к капитуляции.

Весьма упрощенным образом представлены события, приведшие к капитуляции Японии, в двухтомном труде по истории Китая в новое время. И. В. Сталин, по концепции автора, далеко смотрел вперед и 29 июля «упросил» Г. Трумэна, чтобы США и Англия официально пригласили СССР принять участие в войне. 6 августа США сбросили атомную бомбу на Хиросиму, а 8 августа (фактически 9 августа. — *Прим. ред.*) — еще одну на Нагасаки. На следующий день (фактически 8 августа. — *Прим. ред.*) Советская Россия объявила войну Японии.

Все это требует еще раз вернуться к данной проблеме. Итак, 6 августа 1945 г. Соединенные Штаты нанесли первый атомный удар по Японии, принеся колоссальные разрушения и человеческие потери Хиросиме. Применение принципиально нового оружия огромной разрушительной силы оказалось действительно неожиданным для противника. И все же, как свидетельствуют факты, эти удары не привели к немедленной капитуляции Японии. У. Черчилль был вынужден признать, что «было бы неправильно полагать, что атомная бомба решила судьбу Японии»⁷⁰. Атомные бомбардировки не оказали на японскую нацию такого

морально-психологического и военно-политического эффекта, на который надеялись американцы. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, высшие военно-политические руководители Японии, в частности император, узнали о характере удара, нанесенного по Хиросиме, лишь 8 августа, спустя два дня после применения атомной бомбы. Получив эту информацию, находившийся в бомбоубежище император заявил: «Если противник применяет такого рода оружие, войну продолжать невозможно. Но для того чтобы добиться выгодных условий, немедленно прекращать войну нельзя. Что касается условий, то как только появится возможность маневрировать на переговорах, можно будет сразу же прекратить войну»⁷¹. Итак, японское руководство все еще надеялось на переговоры. Во-вторых, японский народ (за исключением самих хиросимцев и нагасакцев) узнал о трагедии Хиросимы и Нагасаки лишь после окончания войны. В-третьих, атомные бомбардировки не дали и ощутимого военного результата. Японская императорская ставка разделяла мнение фельдмаршала С. Хаты — командующего 2-й Объединенной армией, штаб которой находился в Хиросиме, о необходимости продолжать войну. Прибыв в Токио 7 августа, он доложил, что, хотя его штаб располагался недалеко от центра взрыва, постройки разрушены мало, а число погибших солдат незначительно, причем пострадали только те, кто не был защищен. В целом, по его мнению, Хиросиме нанесен крупный ущерб, но не больший, чем другим городам от массированных налетов авиации. Достаточно сказать, что в Хиросиме уцелели почти все крупные заводы на окраинах и 94% работавших на них людей, а железнодорожное сообщение через город было восстановлено уже через 48 часов. Чтобы полностью вывести из строя Нагасаки, потребовалось бы еще несколько бомб, которых американцы тогда еще не имели. О таких эффектах атомного взрыва, как остаточная радиация и радиоактивное заражение местности, японцам в то время известно не было. Новое оружие было применено почти исключительно против мирных жителей, а подавляющая часть личного состава вооруженных сил, как и основная масса населения, оказалась в неведении относительно характера примененного оружия и, следовательно, вне физического и психологического воздействия его результатов. Не был собран даже кабинет министров, а намеченное заседание высшего совета по руководству войной не состоялось. Военное командование по-прежнему было занято подготовкой к решительным сражениям на территории Японских островов, в Маньчжурии и Корее. Как свидетельствует бывший офицер императорской ставки полковник Н. Такаяма, у тех офицеров, которые знали об атомных ударах по Хиросиме и Нагасаки, это не вызвало ничего, кроме усиления ненависти к противнику. Кроме того, применение американцами атомных бомб лишь подтолкнуло японцев к ускорению собственной программы («Проект N») создания аналогичного оружия, завершить которую намечалось через шесть месяцев. Это явилось одной из причин того, что правительство Японии все еще не соглашалось на оккупацию страны войсками противника.

Руководство США, санкционировав применение атомной бомбы, проявило, таким образом, политический и военный авантюризм, приведший мир к историческому ядерному тупику, из которого с учетом роста числа ядерных и околоядерных держав становится все труднее выбраться. Атомная бомбардировка Хиросимы в условиях, когда Советский Союз был готов вступить в войну против Японии и, как понимали в Вашингтоне, это предотвратить уже было невозможно, хотели бы этого американцы или нет, не диктовалась военной необходимостью. Именно так считал генерал Д. Эйзенхауэр. Вспоминая разговор с военным министром США Г. Стимсоном, в котором затрагивалась тема атомной бомбы, генерал свидетельствует: «Я сказал ему о своих тяжелых опасениях. Это в первую очередь касалось моей уверенности, что Япония уже потерпела поражение, и поэтому применение атомной бомбы не представляло никакой необходимости. Во-вторых, я полагал, что наша страна не должна шокировать мировое общественное мнение использованием атомной бомбы, поскольку это оружие утратило право считаться средством спасения американских жизней»⁷². В 1960 г. главнокомандующий союзными силами в войне против Японии генерал Д. Макартур также признал, что в применении атомного оружия «не было никакой военной необходимости»⁷³.

Совершенно очевидно, что, сбрасывая атомные бомбы на японские города, вашингтонские руководители фактически целились в Советский Союз. К такому выводу пришли японские ученые во главе с лауреатом Нобелевской премии физиком Х. Юкавой в «Белой книге о последствиях атомной бомбардировки». В разделе «Жертва — Япония, противник — Советский Союз» они отмечают, что применение атомных бомб было не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой операцией по устрашению в начинавшейся «холодной войне» против СССР. «Жизни трехсот тысяч невинных людей, погибших в Хиросиме и Нагасаки, — заключают авторы, — были, таким образом, жертвой, принесенной Соединенными Штатами на алтарь «холодной войны»⁷⁴.

Итак, мы видим, атомные бомбы не могли заменить массовые армии и их применение, не поставили немедленно Японию на колени. Располагая довольно сильными сухопутными войсками, она продолжала сопротивление. Вступление 9 августа 1945 г. Советского Союза в войну против Японии в корне меняло ситуацию, лишало ее основного козыря в ставке на переговоры — сухопутных войск. В этот же день на экстренном заседании высшего совета по руководству войной японский премьер-министр К. Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»⁷⁵.

Несмотря на то что японский император Хирохито подписал рескрипт о капитуляции 14 августа, военное командование отдало своим войскам приказ о безоговорочной капитуляции лишь 19 августа. Фактически же японские войска прекратили организованное сопротивление только на 23-й день советской Дальневосточной кампании.

Капитуляция милитаристской Японии, таким образом, есть важнейший военно-политический итог вступления Советского Союза в войну и непосредственный результат решительных военных действий Вооруженных сил СССР, поскольку на других фронтах активные военные операции союзниками не велись. Удары Красной армии парализовали волю Японии к сопротивлению. То, что союзники стремились достичь, несмотря на обладание атомной бомбой, пожертвовав жизнью 1,5–2 млн своих солдат, в лучшем случае через год-полтора войны, было осуществлено в результате быстротечной советской кампании на Дальнем Востоке. Япония была принуждена к миру и капитулировала.

Пример того, что после освобождения от японских войск исконно российских Южного Сахалина и Курильских островов, принятия Японией решения о капитуляции и полного прекращения ее войсками сопротивления Красной армии СССР отказался от планировавшейся высадки крупного морского десанта и оккупации острова Хоккайдо, красноречиво свидетельствует, во-первых, об уважительном отношении Советского Союза к интересам союзников и, во-вторых, полностью отвергает утверждения о том, что Советское государство стремилось к «кровавому разделу» чужой территории, в чем его пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица, выдвигая реваншистские требования о «возвращении северных территорий».

Появление в российской историографии попыток пересмотра истории Великой Отечественной и Второй мировой войн в целом не было непосредственно связано с открытием каких-либо неизвестных ранее документов или мемуарных свидетельств. С точки зрения истории развития науки в этом нет ничего исключительного: принятие новой теоретической парадигмы чаще всего обусловлено не логико-методологическими аргументами, а другими, внерациональными факторами, которые часто вообще не имеют отношения к науке. «Принятие решения такого типа, — отмечает американский историк Т. Кун, — может быть основано только на вере»⁷⁶. Для исторического исследования это тем более верно: одной из важнейших особенностей исторического познания, выделяемых методологами, является тот факт, что общее направление исследований, постановка проблем и осмысление исторических свидетельств осуществляются на основе теоретических идей, привносимых той или иной философской концепцией⁷⁷.

Поэтому претензии некоторых российских авторов на то, что в их работах представлен некий «подлинно научный», объективный взгляд на события предыстории Великой Отече-

ственной войны, позволяющий избежать противоречий и нелепостей как «официальной» историографии, так и ее антиподов, нужно признать необоснованными. В работах историков этого направления повторяются и развиваются с теми или иными вариациями оценки и истолкования, разработанные в предшествующий период в трудах англо-американских и западногерманских историков, а также в русскоязычной эмигрантской публицистике⁷⁸. В какой мере эти воззрения помогают «привести историографию в соответствие с фактами», а в какой, напротив, затрудняют реконструкцию объективной картины событий и в конечном счете способствуют формированию новой мифологии — вопрос спорный. Ретроспективный анализ, однако, подводит к выводу, что до настоящего времени вторую задачу современный российский ревизионизм выполнял гораздо более успешно, чем первую. Более того, анализ попыток «переосмысления» истории Великой Отечественной войны приводит к выводу, что нередко оно оказывается возможным лишь за счет игнорирования или даже демонстративного отказа от соблюдения общих принципов и методов исторического исследования, соответствующих тем критериям научности, которые выработаны сообществом историков и философов науки.

Поэтому полноценный анализ затронутых вопросов невозможен без учета проблемы фальсификации. Создание в 2009 г. в соответствии с указом Президента Российской Федерации Комиссии по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России⁷⁹ свидетельствует о постепенном осознании необходимости борьбы с «переписыванием» отечественной истории, которое в последние два десятилетия приобрело огромный размах. При этом специалистами обострение «битвы за прошлое» (историческую память, интерпретацию истории) рассматривается, как правило, в контексте современной геополитической конкуренции, в том числе как одно из проявлений информационной и психологической войны⁸⁰. «Если избавиться от политической наивности и посмотреть правде в глаза, — писал по этому поводу секретарь Совета безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев, — можно заметить элементы зарождения новой «холодной войны», на этот раз за глобальное лидерство и стратегический контроль над ресурсами. Одним из ее проявлений является проведение информационных кампаний по дискредитации политики и истории России, в том числе истории Великой Отечественной войны»⁸¹.

Между тем рассматриваемая проблема сложнее и не может быть сведена только к констатации связей историографии с прагматическими задачами исторической политики (или «политики памяти»). Широко используемый в последнее время термин «фальсификация» нуждается в конкретизации, поскольку в современной философии и методологии истории широкое распространение получило рассмотрение истории как некоей разновидности литературного творчества. отождествление истории с литературой, безусловно, снимает вопрос о фальсификации: каждый историк волен создавать свой образ прошлого, и мы не имеем права требовать от него какой-то объективности или правдоподобности. Указ Президента России, однако, исходит из того, что цель исторической науки — дать обществу адекватное представление о собственном прошлом, и историки располагают необходимым инструментарием для создания правдивого описания.

В самом деле, методология исторического познания содержит некоторые слабые места как в области установления эмпирических фактов прошлого (неполнота сохранившихся свидетельств и сложность процедур установления их достоверности), так и в области исторического синтеза (множественность способов интерпретации взаимозависимости исторических фактов, зависимость теоретических реконструкций от мировоззрения историка). Исходя из этого, существует немало возможностей для возникновения псевдонаучных теорий. Вместе с тем в профессиональном историческом сообществе сформированы механизмы, которые позволяют значительно снизить опасность субъективных подходов историков, порожденных влиянием современных обстоятельств и собственных политических пристрастий. Эти механизмы основаны на рефлексии и самоконтроле историков, представлении альтернативных точек зрения, учете достижений других историографических направлений.

Нравственной и профессиональной нормой в сообществе историков признается стремление к объективности научного поиска, элементами которого являются дискуссии, плюрализм мнений. Нормы современного научно-исторического исследования предполагают такое построение системы аргументов, которое открыто для верификации, то есть для проверки достоверности источниковой базы, критического анализа логических выводов и ценностных установок, на которые опирается автор. Поэтому, говоря о фальсификации истории, современные авторы имеют в виду сознательное и целенаправленное искажение исторической правды о прошлых событиях, совершаемое прежде всего в политических целях.

Основные возможности фальсификации истории связаны с результатами некорректной работы с источниками. В одном случае производится отбор подходящих свидетельств, вместо того чтобы учитывать всю их совокупность. В другом случае осуществляются искажение и подтасовка фактов (выбираются либо недопустимые, либо менее вероятные по сравнению с общепринятыми интерпретации сведений, содержащихся в источниках). В третьем случае опора на источники вообще может отсутствовать, поскольку «переосмыслению» подвергается тот или иной отрезок истории в целом. Конечно, отдельные цитаты или факты из источников могут быть избирательно привлечены для придания убедительности новой версии или теории, но их роль будет носить исключительно иллюстративный характер.

Псевдонаучные построения в области истории имеют ряд сходных черт с приемами фальсификации в других областях научного знания, технике и медицине. Подобные работы чаще всего написаны научно-популярным языком, а их авторы, явно или неявно ощущая слабость своих профессиональных позиций, стремятся уйти от полемики со специалистами и апеллируют к массовому читателю, преподнося свое сочинение как раскрытие очередной «тайны» истории. Как правило, в них сообщаются малоизвестные или вовсе не известные широкой публике исторические факты, что придает этим трудам необходимую респектабельность. В то же время для критики общепринятых подходов здесь используются не столько научные, сколько идеологические аргументы.

Общим является негативное отношение к «официальной» науке, якобы препятствующей путем «догматических запретов» беспристрастному и объективному освещению прошлого. Эта идея неизменно присутствует у «альтернативных» историков, обещающих читателям раскрыть тайны истории, тщательно скрываемые официальной наукой, и обличающих ее мнимую неспособность предложить обществу сколько-нибудь правдивую версию национальной истории. Учитывая то, что в недавнем прошлом историческая наука действительно находилась под идеологическим надзором, подобные выпады укрепляют доверие читателей к содержанию таких работ. Претензии авторов псевдоисторических концепций к «официальной науке», поставленной якобы современным российским государством «на службу» патриотическому воспитанию, жалобы на невозможность свободного научного поиска в современных условиях являются составной частью любого ревизионистского «проекта». Логика понятна: без подрыва доверия к науке и ее представителям рассчитывать на успех внедрения в общественное сознание мифологизированных псевдонаучных представлений и навязать соответствующие идеологические предпочтения крайне трудно.

Квазинаучное мифотворчество — побочный продукт той кризисной ситуации, которая сложилась в историографии Второй мировой войны в связи с введением в научный оборот многих недоступных ранее документов и снятием цензурных ограничений. Понятие кризиса в данном случае не должно пониматься как негативная характеристика происходящих в историографии явлений и процессов. Кризис в науке подразумевает ситуацию генезиса новых научных парадигм, призванных привести теоретическое объяснение в соответствие с новыми эмпирическими данными. В кризисные периоды возрастает открытость науки влиянию сопутствующего социокультурного фона. Мифотворчество пользуется данной ситуацией, паразитируя на достижениях науки и прикрываясь ее авторитетом. С течением времени, однако, логика развития научного знания должна привести к постепенному вытеснению квазинаучных построений в другие области духовной культуры.

Мифы о Великой Отечественной войне

Историческая мифология — сумма бытующих в общественном сознании представлений об истории страны и ключевых характеристиках населяющего ее народа. К исторической науке она прямого отношения не имеет, существуя в области идеологии, формирования массового сознания, управления им, а в практическом применении — пропаганды. История лишь опосредованно присутствует в мифологии, которая подпитывается выборочно представленными фактами и концепциями. Каждому конкретному периоду соответствуют свои мифы. Великая Отечественная война в этом смысле является одним из самых мифологизированных событий XX в.

Первое выступление И. В. Сталина после начала войны, 3 июля 1941 г. по радио, дает яркий пример мифологизации: «Враг.. ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза»⁸². Так чего же хочет А. Гитлер: «Восстановления царизма» или «разрушения национальной государственности» в России? Глава Советского государства одновременно пытается отдать дань старым идеологическим схемам, нащупать новую основу для сплочения народа и определить действительное положение дел. Получается эклектично и неубедительно. В дальнейшем сталинский миф о войне трансформировался, приблизился к реальности, был прописан в деталях и утвержден. За попытками отклонения от него бдительно следила цензура. В системе ценностных координат, соответствовавшей послевоенному советскому обществу, этот миф народ в целом устраивал. Однако жесткий схематизм позитивной сталинской мифологии имел свои негативные последствия.

Первое. В СССР оказалось мало достоверной информации о войне. Народ мог с равным успехом верить в любые утверждения официоза или вообще не верить ни во что. В результате новые мифы плодились по любому удобному поводу, в то время как официальные фундаментальные издания по истории Великой Отечественной были довольно скромны. Только в середине 1960-х гг., к 20-летию Победы, был издан 6-томный труд по истории Великой Отечественной войны⁸³. Затем, в 1970—1980-х гг., в течение десяти лет выпускали 12-томную историю Второй мировой войны⁸⁴. При этом в ней около 35% объема — о действиях союзников. В Англии издали 40-томную историю Второй мировой. В этой грандиозной эпопее самим британцам посвящено более 90% текста. О некоторых же «второстепенных», по их мнению, сражениях типа Сталинградского — буквально несколько страничек. Японская история Второй мировой войны — это 110 томов⁸⁵. Показано расположение чуть ли не отдельных рот, масса персоналий, рассказывается история взятия и потери городков в Китае с населением в 10—20 тыс. человек (по китайским меркам, просто безлюдных хуторов). В японской истории лишь три тома из 110 посвящены боевым действиям других армий.

Каждому народу нужны свои мифы. Мифы о своей армии, своих битвах, своих героях. Англичане убеждают: главное сражение Второй мировой никакой не Сталинград. Главное произошло в Северной Африке, под Эль-Аламейном. Американцы возражают: нет, самое главное — это сражение за атолл Мидуэй. Японцы не соглашаются: намного важнее были битва за Алеутские острова и, конечно же, оборона острова Окинава. Эти национальные мифологии не оказывали заметного влияния на массовое сознание советских людей, так как СССР был закрытой страной. Однако после падения железного занавеса в России стали распространяться западные мифы о нашей войне и нашем в ней участии.

Второе. За рубежом основным источником сведений о Великой Отечественной стали мемуары гитлеровских генералов. А откуда еще могли взять свои суждения американцы и англичане о событиях на восточном фронте? Советским маршалам было запрещено писать мемуары, а экс-нацисты орудовали пером вовсю, причем красиво и профессионально.

Есть в этом деле еще один момент, одно достаточно туманное предположение. До 1967 г. ЦРУ выпустило тысячу книг⁸⁶. Каких — никто не знает. Где, в каких странах они выходили, о чем в них писалось? Издательская деятельность американской разведки была засекречена, как и все остальное. Но известно, что директивой Совета национальной безопасности СНБ 4/А от 14 декабря 1947 г. для «психологической войны» предписывалось «ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций»⁸⁷.

Известно также, что связи с немецким генералитетом у американской разведки существовали чуть ли не с подготовки покушения на А. Гитлера в 1944 г. После войны американские спецслужбы могли просто использовать генералов, в том числе и заставляя писать мемуары. Эти труды гитлеровских военачальников, акценты в которых расставлены по всем правилам психологической войны, аккуратно переводились на разные языки и активно издавались. Нужно дождаться, когда всплывет список тысячи книг ЦРУ. Но концепции гитлеровских генералов живут до сих пор. И зачастую, увы, побеждают.

Н. С. Хрущёв принципиально ничего в сталинской трактовке войны не изменил. Разве что назвал другую цифру потерь — не 7 млн, а 14 млн, а потом и вовсе 20 млн. В остальном же он только дополнил историю войны своей идеей фикс: во всем и всегда виноват И. В. Сталин. Война началась внезапно? Так это И. В. Сталин не хотел слушать ни данных разведки, ни умных советов. Красная армия летом 1941 г. была разбита? Это И. В. Сталин лично принимал ошибочные решения. Армия несла колоссальные потери? Так И. В. Сталин истребил когорту гениальных полководцев: И. Э. Якира, М. Н. Тухачевского, В. К. Блюхера и прочих. Хрущёвская мифология, основанная на стратегии преодоления сталинизма, позднее была подхвачена и развита в рамках преодоления советской идеологии в целом. Именно в период перестройки не только мифы о Великой Отечественной, но и история войны приобрели устойчивую негативную окраску.

М. С. Горбачёв анонсировал еще большую цифру потерь — 27 млн. Расчеты толком не представили, поэтому у некоторых сложилось впечатление, что цифра взята «с потолка», попросту сложили сталинскую и хрущёвскую: $7+20=27$. При М. С. Горбачёве за создание черного мифа взялись «архитекторы» и «прорабы» перестройки. Со временем наши «либералы» миф о войне творчески развили и обосновали. Он получился ясный, очевидный, доказательный и последовательный.

Суть перестроечной мифологии о войне проста: мы сами во всем виноваты. Сами вскормили и вырастили А. Гитлера. Ждали, когда он начнет войну и разнесет вдребезги всю Европу, чтобы потом напасть на ослабленные государства Европы и завоевать их. Мы ничем не лучше нацистов, скорее всего, намного хуже. На своих штыках мы несли порабощение и смерть. Мы завоевывали Восточную Европу (далее не успели, помешали союзники), чтобы установить там коммунистический тоталитаризм. Мы виноваты перед всем человечеством и теперь должны постоянно просить прощения и каяться. В ажиотаже самобичевания на некоторых авторов нисходят просто фантастические «прозрения»: «...народ Германии и союзные ему народы Европы под эгидой Третьего рейха объединились в крестовый поход против коммунизма»⁸⁸.

В последние годы как-то ненароком, между строк, снова всплывает старобольшевистская мифология поражения. Помнится, В. И. Ленин желал поражения российскому правительству в мировой войне. Кстати, не Отечеству, а именно правительству: предполагалось, что рабочие и крестьяне, взяв власть, вскоре все отвоюют. Результатом его путаной фразеологии стали подорванный боевой дух армии, Брестский мир и огромные территориальные и моральные потери.

Идеологам отечественного лжелиберализма этот тупиковый путь чем-то приглянулся. Победа в Великой Отечественной объявляется ими напрасной. Сколько погибших, какие невероятные усилия, какие колоссальные разрушения — и зачем все это было нужно? Все равно победа ничего хорошего народу не дала, привела только к укреплению сталинского режима. Если народ заплатил за победу такую цену, а она, победа, оказывается, и не нужна

вовсе, тогда обесценивается не только победа, но и вся дальнейшая история народа. Ненавязчиво предлагается вслед за советской властью вообще выкинуть на помойку советскую трактовку Великой войны. Стоит это сделать — и нечего будет противопоставить формирующемуся на наших глазах мифу о других агрессорах и победителях в той войне.

Мифы о Великой Отечественной войне переплетаются, происходит их взаимопроникновение, образуя целые идеологические комплексы, единые мифологические узлы. Центральным узлом негативной мифологии о войне в настоящий момент можно считать тройственный миф о тождественности гитлеровского и сталинского режимов, бессмысленности победы в войне (по причине слишком высокой цены, которая за нее заплачена, или из-за того, что она послужила укреплению сталинского режима) и массовом участии русских в «нацистско-советской» войне на стороне А. Гитлера. Современный миф о тождестве А. Гитлера и И. В. Сталина построен на том, что оба они тираны, враги демократии, оба стояли во главе террористических авторитарных режимов. Между сталинским СССР и Третьим рейхом и правда можно найти много общего. Все идеологизированные государства чем-то напоминают друг друга. То, что тирания (и вообще всякий способ управления) — это не более чем орудие для проведения в жизнь той или иной политики, а цели А. Гитлера и И. В. Сталина были прямо противоположными, игнорируется. Важно поместить в массовое сознание убежденность в тождественности двух режимов.

«Это была не победа Добра над Злом, не защита свободы России, не освобождение Европы. Это была обеспеченная ценой совершенно несообразных жертв победа одного тиранического режима над другим, ничуть не худшим (а в чем-то даже и лучшим)»⁸⁹ — это цитата с никому не ведомого сайта. Подобных сайтов, блогов — сотни. Иногда такие примеры приобретают широкую, буквально международную известность. В 2009 г. шуму наделала история с бывалым диссидентом А. Подрабинеком⁹⁰ и обиженными им ветеранами. «Это вам только кажется, что отдых ваш заслуженный и почетный, — вещал он на популярном интернет-ресурсе. — Это вам только кажется, что вы пользуетесь всеобщим уважением. Вам внушили это давно, но ваше время кончилось. Ваша родина не Россия. Ваша родина — Советский Союз. Вы советские ветераны, и вашей страны, слава богу, уже 18 лет как нет.. В Советском Союзе, кроме вас, были другие ветераны, о которых вы не хотели бы ничего знать и слышать, — ветераны борьбы с советской властью. С вашей властью. Они, как и некоторые из вас, боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов в лесах Литвы и Западной Украины, в горах Чечни и песках Средней Азии». Истинные герои — это прибалтийские «Ваффен СС», бандеровцы, басмачи и полицаи-каратели. Всех их автор возносит на один пьедестал. Спасибо ему за истинно «либеральную» искренность.

Однако беда не в конкретном обиженном советской властью журналисте. Беда в другом: из таких «эпизодов» (мнений, статей, фильмов) и получается мутная мешанина в головах подрастающего поколения. Внушается простая мысль: не было «Великой Отечественной», это «воевали нацисты и коммунисты». Мысль эта, впрочем, не нова. Начал ее продвигать еще Й. Геббельс в рамках психологической войны: «Верь, Иван, я воюю не с тобой, а с комиссарами». «Иди, камарад, сдавайся, бей жида-политрука. Это война не твоей Родины с Германией, а так, нацистско-советская, чисто идеологическая». С геббельсовской пропагандой перекликается учебник под редакцией профессора А. Б. Зубова. Из оглавления: «Глава 2. Советско-нацистская война 1941–1945 гг. и Россия. ...4.2.2. Русское общество и советско-нацистская война в СССР. Отказ от эвакуации населения. 4.2.3. Советско-нацистская война и Зарубежье»⁹¹. И из плана «Барбаросса»: «Предстоящая война явится не только вооруженной борьбой, но и одновременно борьбой двух мировоззрений»⁹². Вот так некоторые историки невзначай повторяют что-то вслед за Й. Геббельсом, сами того не понимая.

Совершенно мифологическое построение: началась война, сшиблись две одинаково бесчеловечные идеологии и бросили в топку десятки миллионов судеб. Не Третий рейх и СССР, не Германия и Россия, а какие-то абстрактные идеи. Дальше делаем нужные выводы: если сражались идеологии, если та и другая идея были одинаково людоедские, значит,

победа в войне осталась не за ними, а за правильной идеей — демократией. Конечно, в лице ее носителей — Соединенных Штатов и Объединенной Европы. А разве Европа сегодня не включает Германию? Да это же ее хребет! И вообще, коли А. Гитлер воевал не с Россией, а с коммунистами, значит, именно И. В. Сталин и есть разжигатель войны № 1. А значит, во всем виноваты мы с вами, сегодняшние россияне, наследники СССР. Этот миф формируется буквально на наших глазах.

Неопораженческий миф о том, что было полезнее покориться немцам, не только уродлив нравственно, но и просто глуп. С самого начала немцы строили войну на Востоке по другим принципам, чем на Западе. Когда немецкий солдат входил во французский или датский город, у него тоже была жесткая инструкция: вести себя корректно по отношению к мирным жителям. На советской территории он был официально освобожден от ответственности за любые преступления против населения — тоже по инструкции (о так называемом «особом судопроизводстве»), которая была издана еще перед войной. Изнасилование солдатом вермахта советской женщины (девушки, девочки), кстати, изначально не считалось преступлением. «180-миллионный народ, смесь рас и народов, чьи имена непроизносимы и чья физическая сущность такова, что единственное, что с ними можно сделать — это расстреливать без всякой жалости и милосердия»⁹³, — так оценивал противника рейхсфюрер Г. Гиммлер.

Европейцам в системе «нового порядка» отводились роли разные, но тоже в полном соответствии с расовой теорией. Для «нордических» народов предполагалось постепенное онемечивание и пополнение собой народа-победителя. Теория нацизма последовательно считала «своими», в смысле почти «арийцами», норвежцев, вообще всех скандинавов, датчан и голландцев. Сами они, может, так и не думали, но под оккупацией особо выбирать не приходилось. Признать себя «полуистинным арийцем» было гораздо перспективнее. С некоторыми оговорками нацисты терпели англосаксов (все-таки саксы — те же германцы, только островные) и французов (опять же выродившиеся древние франки — порченная кровь, конечно, но тоже вроде «отчасти свои»). Куда хуже дело обстояло с теми, кто, как считалось, отличался от «арийцев» генетически. Это те, кому априори в Третьем рейхе была отведена судьба прислуги и сельхозрабочих, людей без квалификации и образования. Возьмите Польшу — обычная буржуазная страна. Никакой коммунистической заразы. Однако оккупационный режим в Польше был намного жестче, чем во Франции, тем более в Дании. Поляков предполагалось превратить в рабочий скот.

Любопытно, что сам продукт эсэсовского Госплана — генеральный план «Ост», будущи документом скучным и как бы полунучным, мгновенного ужасающего впечатления не производит. Нужно вчитываться. Здесь 31 млн человек выселяются, там — 25 млн, а там — 30 млн. Надо освободить землю для немецких поселенцев. Выселяются не одновременно: предполагается, что многие сами в процессе вымрут или будут физически уничтожены. Подробно разработан план только на первые годы, обозначены территории, сроки. Дальше план «Ост» предполагалось развивать, исходя из достигнутых результатов. И до чего же полезно было бы ознакомиться некоторым нашим друзьям в сопредельных странах, откуда сегодня мы чаще всего слышим о тождестве И. В. Сталина и А. Гитлера, с гитлеровской перспективой для их стран и народов. План неоднократно переписывался и ужесточался по мере успехов на восточном фронте. Тот вариант, который опубликовали немцы, относится к июню 1942 г.

Иногда знакомство с историческими документами вызывает самые грустные ассоциации. 30 мая 1941 г. главный разведчик адмирал В. Канарис и один из основных идеологов рейха рейхслайтер А. Розенберг обсуждали политические планы в будущей войне с Советским Союзом: «1. Расширенная в восточном направлении Финляндия; 2. Также расширенная за счет белорусских земель Прибалтика (в качестве немецкого протектората, с перспективой последующей германизации); 3. Самостоятельная Украина; 4. Кавказ как федеральное государство под германским управлением»⁹⁴. Помогать немцам должны были выходцы «из тех меньшинств, с которыми поддерживало агентурные контакты заграничное управление абвера (украинцы, кавказцы и т. д.)».

Эти планы или уже осуществились, или были близки к осуществлению — в самом недавнем прошлом, в наши дни, нашими руками. Тут впору воскликнуть: но ведь даже нацисты не додумались до отделения от России Казахстана и Средней Азии!

На Нюрнбергском процессе единственным доказательством существования плана «Ост» были только «Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС», подписанные 27 апреля 1942 г. начальником отдела колонизации 1-го главного политуправления «восточного министерства» Э. Ветцелем. Под грифом «совершенно секретно» размещался объемистый документ, вызывающий у нас сегодня самые грустные ассоциации. Э. Ветцель пишет о том, «каким образом можно сохранить на длительное время немецкое господство перед лицом огромной биологической силы русского народа»⁹⁵. «Прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населенной русскими, на различные политические районы с собственными органами управления... Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву.. Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата. Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа»⁹⁶.

Тогда же в ведомстве Й. Геббельса родилась так называемая «союзная инициатива». «Согласно ей, эта война велась самим русским народом против поработившего его большевизма, Германия же выступала в качестве союзника России»⁹⁷. Министерство пропаганды было лучшей армией А. Гитлера. Эта армия никогда не сдавалась и всегда находила выход из любого положения. Она не имела танков, и численность ее была невелика. Но каждая рейхсмарка, вложенная в пропаганду, сохраняла вермахту солдат. Каждая рейхсмарка убивала русских. Согласно «союзной инициативе», это сама Россия объявила войну СССР, а Германия ей только в этом помогала. Да-да, в Великой Отечественной Германия была союзницей России! Тогда же, в 1943 г., было принято решение: официально акции «союзной инициативы» будут проводиться «через Власова и новейшую русскую пропаганду»⁹⁸.

В последние годы историкам стали доступны ранее закрытые архивы: немецкие донесения о положении дел на оккупированных территориях, выходившие там газеты на русском. И что же? На страницах современных книг хлынул поток гитлеровской пропаганды. Некритичный подход, жажда сенсаций, стремление утвердить свой приоритет публикатора привели к тому, что теперь эти самые газеты считаются чуть ли не источником «альтернативной советскому официозу» информации. Как-то сами по себе рождаются мифы о счастливой жизни под немцами и всяческих альтернативах вроде «Локотской республики». В результате всё, что мы на сегодня знаем о жизни в оккупации, это или обрывки советского мифа, или что-то из новых легенд. Уровень достоверности таких источников можно проиллюстрировать на следующем примере. В середине октября 1941 г. занятые немцами города запестрели плакатами на русском языке: «Немецкие войска освободили Москву». Под этой шапкой меленьким шрифтом давалось объяснение. Оказывается, захвачена была деревня с таким необычным названием⁹⁹.

Как ни странно, немцы понимали значение пропаганды намного лучше, чем, казалось, распропагандированный на все сто сталинский СССР. Министерство Й. Геббельса подготовило «Предложения по составлению листовок для войск противника», которые по своей откровенности и цинизму были бы немыслимы для наших политработников: «Пропаганда разложения — грязное дело, не имеющее ничего общего с верой или мировоззрением. В этом деле решающим является только сам результат. Если нам удастся завоевать доверие противника тем, что мы обольем грязью своего фюрера, свои методы и свое мировоззрение, и если нам удастся проникнуть в души солдат противника, заронить в них разлагающие их лозунги, — совершенно безразлично, будут ли это марксистские, еврейские или интеллигентские лозунги, лишь бы они были действительны!»¹⁰⁰. Заветы доктора Й. Геббельса воплощались его министерством в таких сферах: наглядная агитация (плакаты и прочее), печать (газеты, брошюры, листовки), кино (с обязательным просмотром немецкой военной кинохроники),

радио (как прообраз будущего самого массового СМИ — телевидения), ивент-менеджмент (экскурсии для населения в тюрьмы НКВД, торжественные похороны «жертв НКВД»), роуд-шоу (передвижные выставки «Кровавые злодеяния ЧК — ГПУ — НКВД», «Советский «рай», «Так живут рабочие и крестьяне в Германии»), театральные постановки. «Конец колхозному рабству!», «22 июня 1941 года началось освобождение от большевистского террора!», «Адольф Гитлер — освободитель!» — это самые популярные немецкие плакаты для русских. Они делались в привычной советским людям стилистике. Однозначное утверждение и некий образ-иллюстрация. Водились в ведомстве Й. Геббельса и свои кукурыникисы. На плакате «Тень Суворова» великий русский полководец возвышается над С. К. Тимошенко, С. М. Будённым и К. Е. Ворошиловым и говорит им словами И. А. Крылова: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в полководцы не годитесь»¹⁰¹. Известен плакат «Последний поход красных маршалов». С. К. Тимошенко и С. М. Будённый у ворот тюрьмы. На колючей проволоке фуражки с надписями «Егоров», «Блюхер», «Тухачевский». Смерть с надписью на косе «НКВД» приветствует вновь прибывших: «Добро пожаловать, товарищи!»¹⁰².

«Тяжела была доля великой мученицы — русской женщины. Но вот пришла спровоцированная большевиками война. Начались новые страдания, усугубились лишения, нужда и голод встали у самого порога. Жена, потерявшая своего мужа в застенках НКВД, провожала на бессмысленную войну своего единственного сына. Сестра сосланного в Сибирь инженера отдавала Молоху войны своего младшего брата. Мать раскулаченной семьи оплакивала гибель на фронте своих сыновей. Невыразимое горе широкой волной залило семьи советских женщин», — этот отрывок похож на пассаж, взятый из перестроечной прессы или какого-нибудь интернет-блога, который ведет убежденный псевдолиберал. Но нет, это гитлеровская газета на русском языке «За Родину» (Псков, выпуск от 8 марта 1942 г.)¹⁰³.

На оккупированных территориях открывались новые кинотеатры. В них шли фильмы трех категорий: культфильмы (не мультфильмы, а именно культфильмы, снятые специально для оккупированных территорий), военная кинохроника и собственно художественные картины — для здорового отдыха и веселости. Посмотреть все это можно было только «пакетом». Сначала документальное кино о счастливой жизни в Германии, потом хроника побед германского оружия и поражений Красной армии, наконец, очередной блокбастер производства Третьего рейха. Пропагандистские фильмы шли с синхронным переводом. Художественные — обычно на немецком, но перед сеансом зрители могли изучить либретто. Были и дублированные на русский: например, «Вечный жид» и «Еврей Зюсс».

Смоленский драмтеатр поставил при немцах две пьесы «из современной жизни»: «Волк» и «Голубое небо», показав их потом в Орле, Пскове, Борисове, Минске, Локоте. Записали их и для радио. Главный герой «Волка», молодой красноармеец Бывалов, случайно становится членом «бандитской шайки», то есть партизаном. Его мучит совесть, его тянет к любимой девушке Наде, оставшейся в родном селе. И вот однажды ночью вместе с другим партизаном, бывшим секретарем райкома Ползунковым, Бывалов пробирается в родное село. Он встречается с Надей и окончательно решает остаться. «Герой Новой России», безоружный староста, пытается проверить документы у переодетого Ползункова, но последний ранит его ножом в спину и пытается при этом скрыться. В это время появляется Бывалов. Он набрасывается на Ползункова, которого связывают и отправляют в тюрьму. Бывалов уже не партизан. Он на стороне новой власти, он вместе со своей невестой. Бывший партизан переменял свои взгляды благодаря беседам со своей невестой и односельчанами. «Голубое небо» примерно о том же: главный герой Степанов «не хочет такой Родины, как Советский Союз, не считает СССР родным домом». Под «голубым небом» свободы подразумевалось нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г.¹⁰⁴

В день, когда Германия напала на СССР, на территорию нашей страны помимо прочих войск вошли 19 рот пропаганды и шесть взводов военных корреспондентов СС (фото-, кино- и радиореporterы, персонал пропагандистских радиоавтомобилей и киноустановок, специалисты по изданию плакатов, листовок, сотрудники фронтовых газет, переводчики). Взводы и роты пропаганды были в каждой армии. По состоянию на апрель 1943 г. числен-

ность подразделений пропаганды вермахта достигла 15 тыс. человек. Все три года оккупации они усердно, по-немецки, трудились, имея неограниченное финансирование и к тому же располагая уникальным «административным ресурсом» в виде вермахта. То, что эти 15 тыс. поработали на идеологическом фронте, вернулось к нам сегодня, в том числе в виде мифа о миллионе русских, воевавших за А. Гитлера.

«Миф о миллионе за Гитлера» — один из показательных примеров бытования негативного стереотипа в общественном сознании. Как правило, черные мифы о войне передаются одной хлесткой фразой, которая начинает «обрастать» аргументами, статьями, авторитетами, в более развернутом, концептуальном изложении для распространения мифа нет необходимости: «Трупам завалили»; «Жуков не жалел солдат»; «Жуков был мясником»; «Любимая поговорка Жукова: «Бабы еще нарожают»; «Сталин не подписал Женевскую конвенцию, бросив своих пленных»; «В начале войны Сталин впал в прострацию»; «Одна винтовка на троих»; «С шашками на танки»; «Войну выиграли штрафбаты»; «Заградотряды стреляли в спину своим из пулеметов»; «Из лагеря — в лагерь. Из гитлеровских концлагерей наши пленные попадали в ГУЛАГ»; «Подвигам Космодемьянской, Матросова, Гастелло, 28 панфиловцев и других не было, а если были, то не такие, и вообще это подвиги других людей»; «Миллион русских воевал за Гитлера» (вариант — 10 млн); «Власов и Каминский были истинными героями России»; «Решающую роль в победе сыграл ленд-лиз»; «Советские солдаты изнасиловали 2 млн немцев» и прочее.

Миф не нуждается в историческом обосновании. Главная составляющая исторической мифологии не рациональная, а эмоциональная. Миф существует не как тезис, а как аксиома, причем факты используются не для подтверждения, а для иллюстрации уже готовой «истины». У ключевых фраз, передающих содержание мифа, определить происхождение, как правило, невозможно. «Это все знают» и «я много раз читал» — наиболее распространенные «источники». Однако в мифе о преданном ополчении, которое было брошено безоружным против лучших немецких дивизий («одна винтовка на троих») источник определяется. Большевикская пропаганда с ее «бездарными царскими генералами», словно бумеранг, вернулась из Первой мировой во Вторую: «Царская армия терпела поражение за поражением. Немецкая артиллерия засыпала царские войска градом снарядов. У царской армии не хватало пушек, не хватало снарядов, не хватало даже винтовок. Иногда на трех солдат приходилась одна винтовка»¹⁰⁵. Это «Краткий курс истории ВКП(б)». «Либеральные» публицисты, вскормленные, не забудем, советской же системой, поливали грязью «бездарных красных маршалов» теми же словами. Ничего оригинальнее они придумать не смогли: «Редкие оставшиеся в живых ополченцы со стыдом и болью вспоминали про одну винтовку на троих. Немцы же долго не могли понять, кого им благодарить за созданные комфортные условия боев. (Видимо, это были первые бесконтактные сражения 20-го столетия.) Они недоумевали: с кем они воюют? Что за секретные войска без пулеметов, без танков, без артиллерии и даже без патронов?»¹⁰⁶.

По вооружению дивизий ополчения имеются исследования военных историков, есть статистика¹⁰⁷, как есть точные данные по нашим потерям¹⁰⁸. Эти дивизии были недоукомплектованы бойцами. Соответственно, обычно оружия в них было больше, чем солдат. Не одна винтовка на троих, а три винтовки на двоих. И еще. Есть в военном деле такое понятие — маршевое пополнение. Солдаты идут на фронт, а оружия у них с собой нет. Оно ждет их впереди: оставшееся от раненых, убитых, возможно трофейное или со складов. Обычное дело. Естественно, на ополченцев, не знавших этого правила, отсутствие при себе винтовок действовало гнетуще. Есть и другое понятие — мобилизационный резерв. В отношении стрелкового оружия тут может быть полный разнобой. На случай войны на складах хранится всякое оружие: снятое с вооружения, трофейное, оставшееся от прежних войн. Так было и в 1941 г. На известной фотографии А. Устинова «Бронебойщики. С парашюта в бой», сделанной 7 ноября 1941 г. на Красной площади, бойцы уходят на передовую с английскими пулеметами системы И. Льюиса на плече. Со снятыми дисками эти пулеметы-трубы действительно были похожи на какие-то мини-пушки. На мобилизационных складах хранились захваченные в Первую мировую в качестве трофеев 700 тыс. винтовок систем Ф. Манлихера и П. Маузера

(ответ «Краткому курсу»). Они, кстати, еще находились на вооружении польской и румынской армий, и их запасы были пополнены после присоединения Бессарабии. Манлихеровки и маузеры были широко распространены в частях народного ополчения. Но постепенно вся эта стреляющая экзотика заменялась нормальными советскими автоматами и винтовками. Использование старого трофейного оружия объяснялось только жестокой необходимостью.

Можно привести случай с музеем 1812 г. в Вязьме. Кстати, вот яркий пример того, как один и тот же факт можно подвергнуть и негативной, и положительной мифологизации. Итак, ополченцам раздали экспонаты музея. Из фузеи стрелять было нельзя, но у нее был полуметровый штык! Потом на месте боев в 1941 г. у села Богородицкое была найдена французская кавалерийская сабля времен Отечественной войны 1812 г. По степени ее сохранности специалисты определили, что она пролежала в земле не более 50 лет. Какой бесстрашный сын Отечества бросился на врага с этим музейным оружием? Мы не знаем. Но мы должны ему поклониться в ноги, а не юродствовать по поводу «одной винтовки на троих».

Судьбу Великой Отечественной решили штрафбаты? Они мифологизированы насквозь. То, что война была выиграна благодаря тому, что «в прорыв идут штрафные батальоны», — это только верхушка айсберга. Но когда современный человек узнает, что штрафбаты во время войны появились сначала у немцев, он испытывает шок. А во время войны это знал каждый. Об этом говорилось непосредственно в приказе № 227: «После своего зимнего отступления под напором Красной армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали далее около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи»¹⁰⁹. Дальше в приказе «Ни шагу назад!» говорилось о том, что и нам не мешало бы поучиться у врагов, как делали наши предки.

Если быть совсем точным, то «особые подразделения» (Sonderabteilungen) появились в немецкой армии еще в 1936 г., а в 1940 г., с началом войны, в вермахте были созданы «исправительные части» (Bewahrungstruppe). Как и наши штрафбаты, они размещались в «зонах непосредственной опасности». Далее, полевые штрафные подразделения (Feldstrafgefängnisabteilungen) комплектовались в зоне боевых действий из числа военнослужащих, совершивших преступления. Наконец, с октября 1942 г. появились так называемые «формации солдат второго класса», предназначенные для немцев — «политических» оппонентов нацистского режима. То есть система штрафных подразделений была у немцев разнообразной и развитой¹¹⁰.

Война была выиграна нами за счет массового героизма красноармейцев, всего народа. Само выражение «массовый героизм» звучит как-то странно, ведь героизм просто по определению — это то, что должно быть исключительным, уникальным. Но что тут поделаешь, если он действительно был массовым? То, что всегда, во всей мировой военной истории, было исключением из правила, у нас стало нормой. Массовый подвиг советских людей во время войны дал колоссальный пропагандистский материал. Когда победа куплена кровью миллионов и скреплена десятками тысяч примеров того, как люди сознательно жертвовали жизнью, — это чрезвычайно укрепляет любой политический режим. Во время и после «идеологической перестройки» этот массовый подвиг особенно настойчиво ставился под сомнение. Официальный советский миф разоблачали, тужась доказать, что «все было не так». К сожалению, разоблачать пропаганду сталинского времени нетрудно. Шла война, и все делалось в спешке, с презрением к деталям. Сталинские пропагандисты всегда описывали истории, как опять же говорят киношники, «основанные на реальных событиях». Но при этом лакировали, отбрасывали лишнее, временами путали детали: имена, места, обстоятельства дела.

Почему-то многим кажется, что если советская пропаганда что-то перепутала или приукрасила, так уже и самого подвига не существует. Вот сообщается, что «Александр Матросов родился вовсе не в городе Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), а в Башкирии, в деревне

Кунакбаево, и настоящее его имя Шакирьян Мухаметьянов. Отец его вовсе не погиб от пуль кулаков, а мать не умерла с горя, как это утверждалось в официальной биографии, выпущенной миллионными тиражами. Мать Шакирьяна умерла в 1932-м, а отец сильно пил и не работал, поэтому мальчика отвезли в детский дом»¹¹¹. Но разве что-то меняется от того, что подвиг совершил башкир, узбек, грузин или еврей или что его отец не был убит врагами советской власти, а просто сгинул от пьянства? От этого совершенно ничего не меняется. Самое главное, что подвиг был. «Свой подвиг Александр совершил не 23, а 27 февраля. Число «23» было придумано политуправлением РККА из идеологических соображений — День Красной армии. Обстоятельства гибели Шакирьяна М. тоже отличаются от вымышленных»¹¹². Более чем вероятно. Ну и что? Подвиг сам был или нет? Читаем «борцов за историческую правду» дальше: «О боевых товарищах Александра, сделавших не меньше него, но оставшихся в живых вследствие большего военного опыта, не было сказано ни слова»¹¹³. Так были и боевые товарищи? Развенчивая миф, коллектив под руководством А. Б. Зубова вынужденно признает: массовый героизм вовсе не выдуман сталинской пропагандой. Число наших героев действительно измеряется десятками тысяч, а может, сотнями тысяч и даже миллионами. Но как мы этот героизм воспринимаем, как он живет в нашем коллективном сознании сегодня?

Великая война в очередной раз показала, насколько жизнеспособен наш народ, показала его силу, могущество. Наш народ не только непобедим, воюя зачастую один на один с коалицией объединенных стран Европы, но и способен менять судьбы всего мира, создавать новые мировые системы. Именно это должно лежать в основе нашего национального самосознания, быть краеугольным камнем всей политической пропаганды.

После Сталинграда самим немцам стало предельно ясно: «поход на Восток» обречен. Современники и не думали ставить это под сомнение (ни враги, ни союзники). Так считали гитлеровские генералы: «Для Германии битва под Сталинградом была тягчайшим поражением в ее истории, для России — ее величайшей победой. Под Полтавой (1709) Россия добилась права называться великой европейской державой, Сталинград явился началом ее превращения в одну из двух величайших мировых держав»¹¹⁴. Так считал Ф. Рузвельт, называя Сталинград «эпической борьбой, решающий результат которой празднуют все американцы» (из письма И. В. Сталину от 5 февраля 1943 г.). Так считал король Великобритании, приславший Сталинграду дарственный меч, на клинке которого выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, от Георга VI в знак глубочайшего восхищения британского народа». Ту войну выиграла мы. Остальные нам только помогали.

Мы победили, но мы не мстили. С самых первых лет исторической «перестройки» нашего сознания нам внушается, что Красная армия творила в Европе неслыханные зверства. Книга англичанина Э. Бивора о взятии Берлина стала европейским бестселлером. Одна из ключевых тем сего творения — зверства Красной армии. Среди всего прочего, по подсчетам автора, советские солдаты изнасиловали 2 млн немок: «Русские солдаты насиловали всех немок от 8 до 80 лет. Это была армия насильников»¹¹⁵. Стыдно, но этот миф проник и в Россию. Некоторые современные исследователи переполнили свои труды самыми устрашающими подробностями учиненных советскими войсками зверств. А за рубежом выходят все новые и новые книги, в частности «Freiwild» («Добыча») И. Якобе, выпускаются документальные и даже художественные фильмы, например «Безымянная. Женщина в Берлине» М. Фербербека¹¹⁶.

Но так же как и с «нацистско-советской войной» и «миллионом русских за Гитлера», первым запустил в массы историю о русских варварах-насильниках не кто иной, как Й. Геббельс. Из его дневника за 2 марта 1945 г.: «В лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно внушают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему»¹¹⁷. Й. Геббельс как автор концепции чудовищной лжи по-своему видит директиву Ставки ВГК № 11072 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских

и 1-го Украинского фронтов о необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным¹¹⁸. Тиран И. В. Сталин призывал к гуманности, а демократ генерал Д. Эйзенхауэр фактически провоцировал насилие: «Все население Германии параноидально. И нет никаких причин обращаться вежливо с этими параноиками»¹¹⁹.

Конечно, у мифа своя логика: представить немцев не агрессором, а жертвой; приравнять сталинский СССР и гитлеровскую Германию; превратить Красную армию из армии-победительницы в толпу «остервенелых уродов». Но нам, наоборот, следует помнить, что в СССР по меркам того сурового времени режим был жестким, но не мстительным. Никакого планомерного истребления вчерашних врагов никогда не проводилось и не планировалось. Напротив, 11 мая 1945 г. были утверждены нормы снабжения продовольствием населения оккупированного Берлина. Из постановления Военного совета 1-го Белорусского фронта: «...исходя из установленных ГОКО норм снабжения продовольствием г. Берлина в среднем на одного человека в день: хлеба — 400–450 г, крупы — 50 г, мяса — 60 г, жиров — 15 г, сахара — 20 г, кофе натурального — 50 г, чая — 20 г, картофеля и овощей, молочных продуктов, соли и других продовольственных товаров — по нормам, установленным на месте, в зависимости от наличия ресурсов... доложить Военному совету свои соображения о возможных нормах и порядке выдачи молочных продуктов населению Берлина, а также о возможности передачи минимально необходимого самоуправления Берлина молочного скота из числа трофейного»¹²⁰. Пленный военнослужащий вермахта получал паек 600 граммов хлеба в день — намного больше пайка русского иждивенца (300 граммов).

При формировании общественного сознания следует исходить не из деталей истории, а из нашего отношения к ним. Из фактов всегда конструируется миф. Именно он живет в народе, формирует отношение к прошлому, определяет коллективную историческую память. Миф — это матрица. Все новые получаемые нами знания обычно накладываются уже на этот матричный миф. Он может быть и похож, и в то же время не похож на миф о войне советского времени. Незачем сегодня прятать от самих себя страницы, не соответствующие советскому официозу. Сталинская пропаганда многократно искажала события, создавала образы-штампы. Любая пропаганда искажает события, осуждать ее нелепо: она действует в условиях войны. Великая Отечественная дает урок того, что народ непобедим, пока есть идея. И это была не коммунистическая идея, а любовь к своему Отечеству, Родине, дому, семье. Та же идея, что двигала русскими партизанами и в 1812 г., и в 1709 г., когда Карл XII вторгся на Украину, и в 1612 г., когда народ поднялся против поляков.

Самосознание людей нельзя сформировать президентским указом или официальным запретом на «фальсификацию истории». Черные мифы не побеждаются постановлениями. Но чувство гордости за свою историю можно и необходимо формировать через пропаганду, произведения искусства, труды историков.

Мы по-прежнему живем в тылу той войны. Война все дальше, но каждое новое поколение входит в жизнь благодаря победе. И об этом ему надо непрестанно напоминать. Однако понимания, что на самом деле значит та война и чем грозит пересмотр ее итогов для сегодняшнего мира, а главное — для России, нет до сих пор. Пересмотр итогов Второй мировой войны ни больше ни меньше часть большого плана по изъятию у России ресурсов и территорий — мирно, официально и в рамках международного права. Первый шаг здесь уже сделан. Назначаются виновники войны. Ее, как теперь считается, начали А. Гитлер с И. В. Сталиным, подписав секретные протоколы к пакту Молотова — Риббентропа. Шаг второй: определяются проигравшие в войне. Раз ее начали силы Зла, то победили в ней силы Добра. Зло — тирания, то есть И. В. Сталин с А. Гитлером, добро — Америка, Британия и вообще демократия. Хитрец И. В. Сталин затесался в ряды победителей, но все равно в итоге сталинизм (нацизм) потерпел крах: частично в 1956 г., а окончательно в 1991 г., доказательством чему служит карта мира. Шаг третий: определяется, какое наказание должны понести виновные в развязывании войны, они же проигравшие. Германия, положим, за все уже расплатилась в 1945 г., а вот Россия как преемница СССР — еще нет. И теперь должна вернуть незаконно оккупированные Калининградскую область, Курильские острова, Сахалин, Карелию, Выборг, а заодно Примор-

рье, Кавказ. Россия должна уйти навсегда из СНГ и Восточной Европы, убрать свой бизнес из Западной Европы. Все делается чисто информационными методами. Воевать за Курилы и Восточную Пруссию никто с Россией не будет. Нужно только нам самим поверить в то, что отдать — это правильно и справедливо. Как в 1991 г., когда страна совершенно без всякой войны понесла территориальные потери, невиданные в своей истории. Историческая истина никому из наших политических соперников не нужна. Востребованы только манипуляции ради конкретных материальных целей, гигантских по размерам.

Но в этой «войне мифов» российскому обществу есть на что опереться. Правда истории определяет нравственные императивы народа, мотивирует его на свершение дел, достойных нашей великой истории и великих предков.

В объединениях по любому признаку: семейному, религиозному, партийному, национальному, общегосударственному — всегда работает принцип оправдания и защиты себе подобных. Наверное, поэтому во всех национальных мифологиях «свой народ» всегда успешен, свободолюбив, полон всяческих достоинств. Национальное самооправдание — это естественное человеческое стремление. Позитивная самоидентификация: и в личности, и в семье, и большой человеческой общности — порождает уверенность в завтрашнем дне. В русской истории было много всякого, и не нуждается она ни в лакировке, ни в очернении. Для «славянофилов», «почвенников», «западников», националистов, космополитов, коммунистов, самых ярых либералов — для всех она дает неисчерпаемую массу фактологического материала.

От того, какие выводы будут делаться, основываясь на нашем более чем тысячелетнем прошлом, зависит, есть ли шанс у наших внуков жить и родиться в такой стране — России. Будут ли они еще читать и учиться по-русски. Будут ли сами выбирать свой путь. Или же растворятся, как римляне в германских варварах, как эллины в турках, деградируют в резервациях, как индейцы, или просто исчезнут, как бесследно исчезли некогда гремевшие на наших землях могучие скифы и сарматы.

Хорошо все, что укрепляет страну, народ и личность. Массовый героизм и победа в самой страшной войне. Мы можем разделять или не разделять идеологию коммунистов, но достижения этой эпохи есть, и их нельзя забывать. Эта жизнь народа не «черная дыра» и не «тупик истории». Это сама история, в которой Великая Отечественная война — самая важная часть, главное событие XX в.

Осмысление войны в XXI в.

По предмету своего исследования военная история выступает как часть общественной науки и в то же время военной науки. Внимание к военной истории в последние годы по своим масштабам заинтересованности и участия в развернувшейся дискуссии самых широких слоев населения нашей страны приобрело характер общественного явления.

В периоды кризисов, коренных изменений в истории России, будь то Смутное время, революции 1917 г., Вторая мировая война или современный переходный период, значительно возрастает общественная роль исторической науки, в том числе ее военно-исторической отрасли. В немалой степени это происходит потому, что в связи с коренными изменениями в условиях жизни людей резко обостряется их историческая память. Появляется потребность обращаться к минувшему — одновременно и далекому, и близкому. В переломные моменты жизни общества, когда утрачиваются или резко меняются привычные жизненные ориентиры, люди ищут ответы на вопросы современности в своем прошлом.

Вот почему богатейший опыт, накопленный поколениями, на изломах эпох служит обществу важнейшим нравственным и интеллектуальным арсеналом. В этих условиях общество, государство по-новому всматриваются в историческое прошлое предшествовавших

поколений, по-новому оценивают путь, пройденный страной за многие века, подтверждают или отвергают то, что ранее казалось незыблемо истинным.

Процесс пересмотра исторических ценностей в немалой степени затронул и историческую науку. Появились новые или модернизированные трактовки прошлого, особенно отечественной истории XX в., часто заимствованные из разного рода западных концепций. Вольные трактовки истории советского периода, да и предшествовавших событий русской истории, стали своеобразной модой. Происходит это потому, что в изучении истории, в отличие от естественных и других общественных наук, имеются свои специфические особенности и трудности. «Другие» науки изучают настоящее, а история имеет дело с минувшим. Настоящее реально, конкретно, доступно исследованию разнообразными способами. Что касается прошлого, то река времени унесла его от нас и вернуть его невозможно, но изучать бесценный опыт минувшего необходимо¹²¹.

Наиболее предвзято настроенными критиками выступают большей частью литераторы, публицисты, журналисты, работники электронных средств массовой информации, а не профессиональные историки. Конечно, каждый имеет право на свое мнение по тем или иным историческим проблемам, но важно знать, насколько достоверна база данных, объективен взгляд авторов на события, и не навязывать свое мнение обществу.

Глубина анализа — вот главный критерий, по которому ученые судят о подлинной ценности тех или иных исторических изысканий. К сожалению, все чаще на первый план выходят сенсационность, желание «открытий», за которыми стоят конъюнктура, поиск личной выгоды, нередко любой ценой. Эти мотивы оттесняют извечные ценности народов и народностей России, идеалы добра, справедливости, коллективизма. Самобытность страны, уникальность ее многонационального своеобразия, традиций, мужественность и выносливость, терпеливость и свободолюбие, редкая природная смекалка и изобретательность — это те специфические черты, без глубокого понимания которых любое исследование проблем истории войны не может быть полностью объективным. Без их учета братья за историю войны даже очень талантливому человеку-ученому, писателю, журналисту вряд ли возможно и нужно. При таких обстоятельствах исчезают национально-государственные ориентиры, искусственно формируется тип гражданина, лишённого исторической духовности и того патриотического фундамента, на котором стояла и благодаря которому была непобедима Россия. Объективно трактуемая история России становится ныне одним из условий становления гражданского самосознания народа и национальной идеи, отвечающей требованиям современного переходного этапа развития страны.

История Российского государства неразрывно связана с его военным прошлым. В течение столетий России приходилось силой оружия отстаивать свою независимость и территориальную целостность, оказывать вооруженную помощь другим народам. В военной истории содержатся истоки лучших традиций россиян. Народная память бережно хранит все, что связано с защитой родных очагов, святынь, отеческих могил: лучшими духовными чертами русского человека испокон веков были патриотизм, верность заветам отцов, честь и достоинство, готовность к самопожертвованию во имя Родины.

Советская историография Великой Отечественной войны вплоть до распада СССР постоянно находилась под контролем ЦК КПСС. Хотя после распада Советского Союза исчез контроль сверху, многим отечественным исследователям трудно было в одночасье избавиться от политической ангажированности при освещении событий и анализе проблем Великой Отечественной войны. Иногда определяющими факторами выступали конъюнктурные соображения, экономическая выгода, а то и зависимость от тех, кто распоряжается финансовыми ресурсами. В советское время историю часто называли фронтом идеологической борьбы. Был накоплен большой запас фактических знаний, который не утратил своего значения и в наше время.

На протяжении всего послевоенного времени события Великой Отечественной войны являлись предметом острого идеологического противостояния в отечественной и мировой историографии, искажений, тенденциозности, а подчас открытой неправды. В мировой

истории не было ни одной войны, которая не подвергалась бы фальсификации, но попытки извратить историю войны 1941—1945 гг. достигли невиданных масштабов. На это есть свои причины.

В Великой Отечественной войне решался вопрос о жизни и смерти нашего государства, судьбах всего человечества. Ценой невероятных усилий и потерь наш народ выдержал выпавшее на его долю испытание, сумел разгромить мощного врага и одержать выдающуюся Победу. Вторая мировая война носила коалиционный характер. На западе главным фронтом был советско-германский, на востоке — американско-японский. Большой вклад в общую победу над врагом внесли народы и армии США, Великобритании, Китая, Франции и других государств антигитлеровской коалиции. Но основная тяжесть борьбы с жестоким и сильным врагом выпала на долю Советского Союза. В исторических битвах под Москвой и Ленинградом, под Сталинградом и на Курской дуге, на Днепре и в Белоруссии, в Прибалтике, на полях стран Юго-Восточной, Центральной и Северной Европы, на Дальнем Востоке Вооруженные силы СССР нанесли врагу решающие поражения. Они выполнили задачу, которая оказалась не по плечу армиям западных держав: разгромили главные силы вермахта, уничтожив три четверти его военной техники. Гигантские сражения на советско-германском фронте стали важнейшим фактором в изменении соотношения сил противоборствующих коалиций и в достижении перелома в ходе Второй мировой войны. Разгромив и изгнав захватчиков со своей территории, советский народ оказал непосредственную помощь в освобождении от фашистского ига многим народам Европы и Азии, спас мировую цивилизацию.

Огромное значение народного подвига, имена-символы Зои Космодемьянской и Александра Матросова, капитана Н. Гастелло, героев-панфиловцев, подвиг и трагедия миллионов граждан страны вызывают неослабевающий интерес к истории Великой Отечественной войны. О ней многое сказано и написано, героизм наших соотечественников запечатлен в многочисленных литературных произведениях, кинофильмах и на живописных полотнах. Многие факты, события и проблемы истории войны освещены, исследованы и раскрыты. Однако известно еще далеко не все, а что-то, бывшее привычным, воспринимается с недоверием и порой ставится под сомнение.

Социально-политические изменения последних десятилетий в нашей стране и на международной арене побудили отечественных и многих зарубежных исследователей Великой Отечественной войны приступить к переосмыслению прежних оценок и концепций. Казалось бы, в связи с отменой цензуры, доступностью новых массивов архивных документов, в условиях свободы слова, открытого диалога с западными коллегами и использования результатов их исследований имеется возможность более глубокого и объективного изучения истории Великой Отечественной войны. Однако этот процесс идет крайне трудно. Обозначилось несколько факторов, его замедляющих. Прежде всего это недостаточная ясность для многих историков тех ориентиров, к которым должна двигаться отечественная историческая наука. Пока что стремления и заявления, эмоции и внутренняя неудовлетворенность преобладают над научными взглядами и системой ценностей. Причина этих явлений в отечественной истории — в ее новой идеологизации, сужающей многообразие военной реальности 1941—1945 гг. до рамок, определенных политической заданностью в освещении событий и их оценках. Немаловажную роль играют и недостаточная профессиональная подготовка ряда историков, их соглашательская позиция. В результате конъюнктурный бум вокруг частных событий войны сменился забвением ее общих проблем, практическим отсутствием теоретических исследований на эту тему.

Сегодня в научную среду под прикрытием политической демагогии легко проникают посредственность и некомпетентность — серьезное препятствие для новых мыслей и открытий. Образовавшийся вакуум заполняется концепциями и версиями преимущественно западного происхождения. В то же время отсутствие финансовых возможностей у специалистов-историков и архивистов не всегда позволяет выступать в средствах массовой информации.

Задача исторической науки — писать правду на основе добротных источников, объективно исследовать прошлое и рассказывать читателям, что и как было, исправлять допущенные

ранее ошибки и просчеты в освещении истории Великой Отечественной войны. Необходимо освободить историю от всего того, что было привнесено в нее ради оправдания содеянного и самовосхваления, и не только констатировать те трагические и драматические события, которые были в ходе войны, но и объяснять их причины. Все это сложно и трудно: требуется найти не поверхностные односторонние ответы, а глубоко проникнуть в суть событий.

В 1990-е гг. несколько расширился доступ к архивам, появилась возможность существенно раздвинуть горизонты наших знаний о минувшей войне, создать широкую документальную основу и источниковую базу. Разработана реализуемая с 1993 г. научная концепция создания уникальной 50-томной серии сборников документов и материалов «Русский архив: Великая Отечественная»¹²². Таким образом, в качестве главной цели достигается возможность донести специалистам и широкой читательской общественности правду о войне на основе впервые публикуемых в открытой печати подлинных документов.

Как развивались события накануне Великой Отечественной войны? Какие меры предпринимало советское военно-политическое руководство по обеспечению безопасности СССР и укреплению вооруженных сил, особенно после Советско-финляндской войны 1939–1940 гг., вскрывшей крупные недостатки Красной армии? Как готовились страна, армия, народ к отражению нападения нацистской Германии и ее союзников на нашу страну? Ответы на эти вопросы содержат сборники документов «Приказы народного комиссара обороны 1937 — 21 июня 1941 г.», «Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г.», «Накануне войны. Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 г.», «Вестник Архива Президента Российской Федерации» 2009 г. и другие.

Необходимо более детальное изучение опыта политического, государственного и стратегического руководства страной и вооруженной борьбой с началом войны. Как известно, в июне — августе 1941 г. в стране была создана система руководящих органов с чрезвычайными полномочиями в решении народно-хозяйственных задач в целях перевода в сжатые сроки экономики страны на военные рельсы и усиления военной мощи государства. О преодолении допущенных просчетов этого периода свидетельствуют документы Государственного Комитета Обороны, сборники «Ставка Верховного главнокомандования», «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны», в которых публикуются документы о становлении Верховного главнокомандования, в том числе Генерального штаба, форм и методов управления действиями фронтов и сил флота; материалы по вопросам подготовки и проведения ряда операций: документы, освещающие как причины неудач начального периода войны 1941–1942 гг., так и последующих событий на советско-германском фронте. В этих сборниках публикуются, причем в подавляющем большинстве впервые, ранее закрытые подлинные архивные документы и материалы оперативно-стратегического характера. Их дополняет сборник «Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны». В нем на документальной основе раскрывается решение задач поддержания боевой готовности флота, а также такой важной сферы управления, как взаимодействие видов вооруженных сил и родов войск.

Несомненный научный интерес представляет коллекция тематических сборников, посвященных битвам и стратегическим операциям войны. В них документально и наиболее полно показаны характерные черты, особенности подготовки и ведения конкретных операций, развитие военного искусства, достигнутые успехи и недостатки в решении задач управления войсками, показываются возможные пути преодоления допущенных просчетов. Важно то, что в некоторых из них материалы о действиях наших войск дополняются немецкими документами. Укажем на актуальность сборника документов «Битва за Кавказ», раскрывающего особенности боевых действий в горно-лесистой местности, опыт которых не утратил своего значения и в современной обстановке.

Достаточно удачно, на наш взгляд, освещены перечисленные проблемы в архивных документах, публикуемых в сборниках «Битва под Москвой», «Курская битва», «Освобождение Прибалтики», «Операция «Багратион», «Битва за Берлин» и других. Свыше десяти таких

сборников посвящены битвам и важнейшим стратегическим операциям советских войск в годы Великой Отечественной войны.

Вопросы мобилизации личного состава вооруженных сил на выполнение боевых задач, героико-патриотического воспитания, проблемы поднятия морального духа воинов в войне впервые документально излагаются в сборнике «Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Результатом введения в исторический оборот крупных пластов ранее недоступных архивных документов, а также свободных дискуссий и публикаций стало колоссальное накопление новых фактов, знаний о войне. Все это оказывает мощное, порой противоречивое воздействие на духовную жизнь общества. Важно системно анализировать, обобщать все достигнутое в этой области, делать очередной шаг к постижению истины. Документы — неисчерпаемый источник, раскрывающий эту и другие памятные страницы истории Великой Отечественной войны. Кроме того, они являются наиболее действенным оружием против различного рода искажителей военной истории, а их немало. В 1999 г. вышла тенденциозная книга Д. Глэнца (США) «Величайшее поражение Г. Жукова» (Ржевско-Сычëвская операция в ноябре — декабре 1942 г.), а годом раньше в США издан его же труд «Харьков, 1942. Анатомия военного разгрома по советским оценкам». В Англии М. Гилберт, биограф У. Черчилля, издавший его дневники, в третьем томе (1941) утверждает, что осенью 1941 г. Англия спасла Москву.

В исторических работах и публикациях, особенно в средствах массовой информации (электронных и печатных), ответ на вопрос о том, что получили победители и что они потеряли, оказался весьма запутанным и часто сознательно фальсифицируется, в основном потому, что он затрагивает идеологические, политические и иные интересы тех социально-политических сил, которые считают «незаконными» итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн и которые хотят принизить решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма.

Об успехе Курской битвы говорит тот факт, что летнее наступление противника было сорвано. Вермахт впервые в летней кампании потерпел тяжелейшее поражение. Это дало основание А. М. Василевскому сделать вывод, что «разработка оперативно-стратегических задач была осуществлена удачно и что в Курской битве советское военное искусство превзошло германское»¹²³. Немало признаний на этот счет имеется и в воспоминаниях немецких генералов.

Директивы Ставки в войска (по несколько директив в сутки разным фронтам и армиям) были конкретны по содержанию, ориентированы по срокам и месту исполнения, нередко уточнялись в связи с меняющейся обстановкой и пожеланиями командующих фронтами и армиями. Связь Ставки с фронтами была постоянной. Она порой реагировала на действия отдельно взятых дивизий и корпусов¹²⁴.

Современный этап попыток «пересмотра» истории Великой Отечественной войны существенно отличается от предшествующих периодов и характеризуется следующими основными особенностями:

- определенными концептуальными просчетами в области формирования общественного сознания и позитивного мировоззрения в начале 1990-х гг.;
- слиянием содержания фальсификаций зарубежных (главным образом американских и западноевропейских) историков с фальсификациями ряда отечественных российских историков, публицистов, политиков;
- сосредоточением усилий фальсификаторов всех категорий на главных проблемах истории Великой Отечественной войны: почему СССР победил; каково решающее значение и цена этой победы; оценка освободительной миссии Красной армии в странах Восточной Европы; итоги войны;
- использованием в процессе искажения истории Великой Отечественной войны самых мощных современных технических средств (телевизионных и компьютерных систем, возможностей Интернета, видеофильмов и прочего) и так называемых мастеров пропаганды и в то же время крайне редкими дискуссиями с участием историков-профессионалов;

— отсутствием должной и необходимой оперативной реакции со стороны официальных структур на кампании фальсификаторов истории Великой Отечественной войны;

— отсутствием достаточных финансовых возможностей для разработки и распространения достоверных, патриотически ориентированных научных трудов и учебных пособий.

Развернувшиеся в последние годы процессы, связанные с переосмыслением событий прошедших лет, поисками путей обновления исторического знания о минувшей войне, зачастую сопровождаются проявлениями нигилизма и антиисторизма. Полуправда любой идеологической окраски уводит в сторону от истины. Этому способствует тот факт, что в малоисследованные сферы истории Великой Отечественной войны активно вторглись публицисты, журналисты, то есть те, кто в лучшем случае историю знает на уровне явления, но не сущности. Как никогда сегодня необходима достоверная научная история войны, которая помогла бы сделать обоснованные выводы из прошлого опыта и помочь без новых трагических ошибок решать проблемы современности. Без осмысления и усвоения уроков минувшего невозможен успех преобразований.

Знание истории Великой Отечественной войны, дальнейшее ее изучение нужно не только для удовлетворения вполне понятной любознательности, оно необходимо для ответа на животрепещущие вопросы жизни общества, государства и его вооруженных сил. Кто мы такие? Как и ради чего мы воевали? Как и почему мы победили? В чем основа и смысл патриотизма?

Многие проблемы Великой Отечественной войны нуждаются в дальнейшем исследовании в последующих томах многотомного труда. Недостаточно изучено происхождение Второй мировой и Великой Отечественной войн, по этому вопросу ведутся споры, выдвигаются всякого рода версии. Важной задачей является раскрытие действительной роли Советского Союза в достижении победы во Второй мировой войне. Большого внимания требует освещение движения Сопротивления в оккупированных вермахтом странах, соотношения внешних и внутренних сил при освобождении этих стран от нацистских захватчиков. Очевидна необходимость более глубокого исследования опыта политического, государственного и стратегического руководства вооруженной борьбой на фронте и партизанскими формированиями в тылу врага, организаторской работы Генерального штаба Красной армии и Главного штаба Военно-морского флота.

Важное значение имеет анализ механизма принятия стратегических и оперативно-стратегических решений. Значительный шаг в этом направлении сделан. Созданы две во многом дополняющие друг друга фундаментальные работы: «Стратегические решения и вооруженные силы» и «Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение»¹²⁵. Требуется дальнейшего исследования проблема потерь и история военнопленных. В последующих томах необходимо провести глубокий и объективный анализ всего комплекса экономических, политических, дипломатических, юридических и военных мероприятий, осуществленных накануне и в ходе войны. По многим операциям Вооруженных сил СССР пока еще нет фундаментальных исследований, соответствующих современному уровню военно-исторической науки. Необходимо обобщить богатейший исторический материал по ведению боевых действий в сложных природных условиях: в горах, лесисто-болотистой местности и прочих.

В настоящем многотомнике предметом тщательного изучения должна стать проблема единства народов СССР в борьбе с немецкими захватчиками. Война была воспринята не всем советским обществом однозначно. Патриотически настроенное большинство народа активно участвовало в борьбе с агрессором. Но некоторая часть населения оказалась на стороне врага. Было немало тех, кто добровольно вступил в войска вермахта или СС, в карательные отряды, кто пошел на службу в административные и политические структуры оккупационного режима¹²⁶.

Продолжают оставаться актуальными и такие проблемы, как война и экономическая мобилизация общества, его людских и материальных ресурсов, перестройка экономики на военный лад, создание и развитие военного хозяйства, конкретные формы участия в этом процессе рабочих, крестьян, интеллигенции.

При освещении работы советского тыла, как правило, не находят отражения вопросы цены трудовых достижений, соотношения интенсивных и экстенсивных факторов в экономике, отрицательной роли репрессивных мер. Не секрет, что в тылу, как и на фронте, действовали принципы «любой ценой», «во что бы то ни стало». Историки только лишь начали писать о трудностях повседневной жизни простых людей в годы войны.

В настоящем труде требует дальнейшей разработки проблема развития военного хозяйства СССР в 1941–1945 гг. Для объективного изучения народного хозяйства СССР в годы войны, его роли в победоносном ее завершении необходимо комплексное рассмотрение экономической структуры страны, оснащения армии всеми видами военной техники и оружия, удельного веса и значения помощи союзников по антигитлеровской коалиции, сравнительного анализа экономического потенциала Германии и ее союзников.

Изучение истории Великой Отечественной войны способствовало развитию таких дисциплин, как историография и источниковедение, археография, археология, и ряда других отраслей знаний, которые образуют фундамент сегодняшних и завтрашних исследований. Отрицательный опыт в науке тоже имеет определенную ценность. Это не только знание того, «как писать не следует» и «как делать не надо», но и совокупность «отрицательных» методик, приемов, применение которых создает поле антинауки. Распознавание и разоблачение ее методов, внешняя и внутренняя критика источников, их археографическая экспертиза, объективный анализ с учетом достижений современной науки — важная составная часть работы историков.

В литературе, посвященной итогам войны, пока нет ответов на вопросы о роли Великой Отечественной войны в истории СССР, о влиянии войны на дальнейшее развитие страны. Нужен ответ и на вопрос о том, почему СССР в полной мере не смог воспользоваться плодами победы и на ком лежит ответственность за это. Даже в освещении такой темы, как преступления нацизма, немало белых пятен. До сих пор у нас полностью не опубликованы материалы Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, а также других послевоенных процессов.

Успешное решение стоящих перед исторической наукой задач зависит от ряда условий. В первую очередь необходимо методологически и теоретически закрепить наметившуюся тенденцию приоритетной постановки новой проблематики и объективного взгляда на историю, добиться четкости в понимании белых пятен. Пора историкам осознать, что свобода слова вовсе не означает свободу от знаний, компетентности, глубокого изучения предмета исследования. Излишняя увлеченность «реформированием» вновь сделала актуальной проблему государственно-патриотического воспитания граждан России, прежде всего молодежи. Для формирования гражданского сознания, обучения и воспитания молодых поколений необходим, образно говоря, «интеллектуальный генератор», насыщающий общество позитивными и поучительными уроками истории.

Важным условием авторитета исторических исследований является совершенствование системы подготовки кадров историков высшей квалификации — кандидатов и докторов наук. Эта подготовка пока грешит многими изъянами. Прежде всего слабо стимулируется и популяризируется труд уже состоявшихся военных историков. Развитие военно-исторической мысли, становление молодых историков тормозится рядом трудностей. Многие редакции СМИ правде истории зачастую предпочитают коммерческий подход и погоню за сенсацией.

В современной обстановке при слабой государственной финансовой поддержке издательств, а порой и при полном ее отсутствии даже многие видные военные историки вынуждены затрачивать немалые усилия в поисках издателя, на свои средства выпускать в свет полезные и нужные для общества работы, которые печатаются ничтожно малым тиражом. В то же время некоторые редакции и издательства охотно идут на публикацию работ западных авторов, в которых история Великой Отечественной войны излагается весьма тенденциозно.

Все это наводит на размышления: от кого же и какую правду узнают наши читатели и кто должен обеспечить необходимые материальные условия для подготовки квалифицированных кадров историков и издания научных трудов? Создать правдивую историю Великой Отечественной войны можно только на принципиально расширенной источниковой базе. Ранее отмечалось, что за последние годы в этом наметились позитивные изменения. Исследователям необходимо предоставить упрощенный доступ к архивам: до сих пор он остается ограниченным, а многие материалы по-прежнему закрыты. Все еще существуют ограничительные условия публикаций, неоправданная задержка рассекречивания архивных документов, уже не содержащих ни государственной и военной тайны, ни тайны личной жизни¹²⁷.

Принятый в 1993 г. закон Российской Федерации «О государственной тайне» закрепил нормы, усложняющие процедуру рассекречивания архивных документов, но доступ ко многим архивам сегодня — понятие весьма условное. В государственных и ведомственных хранилищах имеет место дифференцированный подход к пользователям архивов, объясняемый совокупностью причин, среди которых коммерческие интересы занимают не последнее место. Соблюдается жесткий отбор пользователей и в зависимости от целей их работы и уровня профессионализма определяются рамки ознакомления с научно-справочным аппаратом и документальными комплексами.

Расширение базы источников зависит, конечно, не только от степени доступности документальных материалов, но и от активности работы самого исследователя в архивах и ввода новых документов в научный оборот. Количество работающих в архивах исследователей возрастает. Примечательно, что увеличивается число зарубежных исследователей, которые составляют почти половину всех работающих в архивах. Это свидетельствует, с одной стороны, об углублении международного сотрудничества, а с другой — о недостаточной интенсивности освоения нового комплекса документов отечественными исследователями.

Весьма важным, как отмечалось выше, является расширение публикаций документальных источников по истории Великой Отечественной войны. Ввод в общественный оборот новых документальных материалов, ранее сокрытых исторических фактов служит основой «перепроверки» устоявшихся стереотипов, что имеет существенное значение в воссоздании объективного исторического видения. Появившиеся в последнее время на страницах книг и журналов новые сведения и факты, в большинстве своем негативные, вырванные из контекста истории, порождают впечатление, что все наше прошлое состоит из преступлений, страданий и страха. Очевидно, что такое использование архивных источников приводит к очередному искажению прошлого.

Для правдивого отражения событий Великой Отечественной войны не обойтись без документов высших партийных и государственных органов — Политбюро ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, а с началом войны — Государственного Комитета Оборона. Эти источники нужны как можно в более полном объеме, ибо только комплексный анализ имевших политическое значение документов высшего партийно-государственного руководства, принятых на их основе органами военного управления решений и материалов исполнительных инстанций на местах позволит детально разобраться в происходившем. Сохраняющаяся до сего времени недоступность таких документов для исследователей и широкого круга читателей является главным препятствием для подлинного познания нашей истории.

Но публикация новых документов, как бы она ни была важна, не исчерпывает работу историка. Время требует серьезного переосмысления прошлого, критического самоанализа, активизации научно-исследовательской работы, создания фундаментальных трудов, правдиво освещающих историю Великой Отечественной войны. Нужны монографические исследования по кардинальным проблемам истории войны, дискуссии, научные конференции, симпозиумы и круглые столы с участием широкого круга специалистов.

Необходимым условием плодотворной деятельности историка является востребованность политическим и военным руководством страны результатов военно-исторической науки при формировании и реализации военной политики и военной доктрины, потребность всего общества в военно-исторических знаниях.

Сегодня на развитие российской историографии Великой Отечественной войны влияют многочисленные, нередко противоречивые социально-политические и экономические факторы, действующие в обществе. Это создает значительные трудности в разработке качественно новых научных трудов и учебников, в подготовке научных и педагогических кадров. До сих пор сохраняется высокая степень политизации истории, а дискуссии, в частности с показом на телеэкране, порой выходят за рамки науки, приобретают идеологический характер. В такой ситуации затруднено не только рассмотрение сложных проблем Великой Отечественной войны, но и тормозятся процессы выработки конструктивных концептуальных подходов и формирования новых направлений в отечественной историографии.

Актуальной задачей является преодоление кризиса методологии исследования. Важно избежать типичной ошибки на крутом повороте общественного развития: мы не должны отвергать положительное из прежнего арсенала отечественного исторического инструментария, следует творчески отнестись к достоянию советской историографии. Для этого необходимо преодолеть теоретический разброд, в котором оказалась историческая наука.

Нынешнее состояние истории как науки накладывает свой отпечаток на положение дел с преподаванием этой дисциплины в средних и высших учебных заведениях. Многие учебники по истории для школьников и студентов не выдерживают критики. Исторические факты в них зачастую запутаны, интерпретация событий порой поверхностна, подчас просто неверна. Только достоверная история Великой Отечественной войны будет содействовать воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма.

Память о великом воинском и трудовом подвиге сплотившихся воедино для отпора фашистским захватчикам народов нашей страны, поставивших взятием Берлина, освобождением Праги победную точку в войне против гитлеризма, вновь всколыхнула волну общественного интереса не только к истории минувшей войны, но и к военной истории России в целом. Миллионы людей с большим интересом знакомятся с анналами русской славы, стремятся учесть уроки прошлого при осмыслении ответов на вызовы современности. Живая связь с историей помогает в наши дни прокладывать наиболее верные пути в будущее, формулировать на основе исторических ценностей национальную идею России. Без фундаментально разработанной военной истории невозможно создать целостный, сочетающий интересы национальной безопасности базис военного строительства России. Становление и развитие нашей страны во многом зависели от того, насколько успешно решались проблемы военной безопасности, как удавалось защищать рубежи Отечества. За девять с лишним веков истории России пришлось вести сотни больших и малых войн (в большинстве оборонительных), участвовать в многочисленных вооруженных конфликтах различной интенсивности — от пограничных столкновений до мировых войн.

Мировоззренческая функция является важнейшей задачей военной истории. Она выражается, во-первых, в осмыслении значения и места войны в историческом процессе, роли в ней человека, в выработке отношения к войне как средству изменения действительности в интересах общества и государства; во-вторых, данная функция способствует развитию общей, в том числе военной культуры человека и гражданина.

Не менее важна образовательная функция военной истории, создающая базис профессиональных знаний, умений и навыков, способствующая освоению и повышению уровня воинского мастерства, расширению кругозора, развитию творческого мышления.

И, наконец, воспитательная функция, которая раскрывает героическое прошлое нашей Родины, способствует повышению морального духа народа, является не только побудительным мотивом воспитания высоких нравственных качеств воина, но и непосредственно участвует в формировании личности гражданина — патриота России.

Военная история учит не только осмысливать опыт минувших войн, но и постигать факторы, ведущие к победе над врагом. Как важнейшая часть отечественного культурного наследия военная история способствует анализу многочисленных процессов современности, их прогнозированию, облегчает поиск путей выхода из кризисных состояний общества.

Уроки войны и победы

Историческая память в своей основе конкретна. Она не просто регистрирует события, но подвергает их определенному истолкованию, деятельно участвует в формировании определенного типа человека, личности. В этом одна из предпосылок, почему представления о Великой Отечественной войне, победе над фашизмом оказывают влияние на мировоззрение людей, а вместе с ним и на толкование ее возникновения, хода, итогов и уроков. В нынешних условиях, пожалуй, в наибольшей степени имеет значение толкование уроков. Это связано с тем, что после войны не все народы и государства в одинаковой мере воспользовались плодами победы, извлекли необходимые уроки, а некоторыми из них просто пренебрегли.

Известно, что прошлое помогает лучше понять настоящее и предвидеть будущее, определить наиболее эффективные формы и методы деятельности в различных условиях. Кропотливый анализ пройденного может выполнять различные функции: подтверждать соответствие или несоответствие каких-то явлений, форм, методов ходу исторического развития, предупреждать о недопустимости одних и желательности других, напоминать о необходимости выполнения тех или иных требований жизни, общественного развития.

Уроки минувшей войны советского народа с фашистской Германией отражают историческую неизбежность победы над фашизмом как свершившегося действия, факта. Она — неотъемлемое звено прошлого, настоящего и будущего. Без этой победы история человечества была бы иной. Потому в числе уроков особое значение имеют уроки исторического оптимизма и исторического возмездия.

Исторический оптимизм связан, во-первых, с ведущей ролью СССР в борьбе с фашизмом и, во-вторых, с реализацией в ходе войны приоритета общечеловеческих ценностей и демократической направленности развития в обществе. Он воплощен в самой победе над фашистско-милитаристской военной машиной и политической системой в Германии, Италии, Японии и некоторых других странах. Победа выразила единство решения национальных и общечеловеческих задач. В силу сложившихся обстоятельств Советский Союз оказался единственной страной, способной остановить агрессора и тем самым создать условия для реального объединения всех антифашистских сил в борьбе с агрессией и победы над захватчиками во Второй мировой войне. Защитив свою Родину, советские люди спасли от порабощения и физического истребления целые народы, предотвратили гибель многих государств, не позволили уничтожить цивилизацию. Цели Советского Союза предполагали решение комплекса задач всемирно-исторического значения: от разгрома фашистских политических режимов с их реакционной идеологией и милитаризмом до создания условий для прочного, демократического мира после войны.

Историческое возмездие, настигшее фашистско-милитаристских агрессоров, потому и является историческим, что было направлено против такой реакционной силы, которая не только препятствовала свободной и демократической жизни народов и государств, но и угрожала им физическим уничтожением. Перефразируя слова К. Маркса о законе исторического возмездия, можно утверждать, что агрессор был разгромлен с помощью того орудия, которое он создал и привел в действие — с помощью войны. Выступив с войной против миролюбивых народов, а также против государств и народов антигитлеровской коалиции, против демократии и свободы, гитлеровский фашизм сам сгорел в огне вызванного им пожара. Это закономерный итог борьбы Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции с агрессивными силами, угрожающими свободе и независимости народов. Как правило, и в прошлом агрессор, угрожавший народам России, терпел поражение. Вот почему так актуально звучали во время войны слова Александра Невского из одноименного кинофильма режиссера С. М. Эйзенштейна: «Кто с мечом к нам войдет, тот от меча и погибнет!».

Важным слагаемым исторического возмездия стало наказание военных преступников. Впервые в истории народы, одержавшие Великую Победу, привлекли к уголовной

ответственности и заставили понести справедливое наказание инициаторов агрессивной войны. Неотвратимость расплаты за причиненное зло стала одним из сильнейших общественно-политических воспитательных факторов международного значения, подкрепленная международным правом. Нюрнбергский и Токийский процессы явились судом народов, судом истории над виновниками Второй мировой войны и агрессии против СССР и других стран и тем самым судом над международной реакцией, победой идеалов справедливости, торжеством добра над злом.

И здесь еще один урок, утверждающий историческую истину о том, что в справедливом огне погибли отжившие общественные учреждения. В войне, в которой решались крупные социальные проблемы, велось противоборство не на жизнь, а на смерть, проявился огромный политический, организаторский, духовный потенциал нового общества, государства, раскрылись величие души советского народа, его героизм, способность к самовывживанию и готовность к самопожертвованию во имя спасения Родины. В то же время война вскрыла противоречия, накопившиеся в обществе, обозначила существенные недостатки системы управления, способов решения национальных, социальных и политических проблем. Но в целом наше общество выполнило свою историческую роль в самой страшной и тяжелой из войн, которые вело Отечество.

Годы Второй мировой войны, в которой Великая Отечественная была основной ее частью, стали временем согласованных действий различных социально-политических сил в борьбе с общей опасностью. Разрешение противоречия между демократией и реакцией (фашизмом) нашло выражение в уникальном политическом достижении Второй мировой войны — антигитлеровской коалиции. Ведь в основе ее функционирования и развития лежали принципы суверенности и равенства стран и народов в выборе форм правления, сотрудничества в интересах обеспечения более высокого уровня жизни, экономического развития и социального обеспечения; устройства мира, основанного не на насилии, в котором люди всей земли могли бы свою жизнь строить без страха и нужды. Тем самым уже на пути к победе над фашизмом возникли начала нового понимания истории, нового образа действий государств, независимо от их общественного строя. Об этом убедительно свидетельствуют и итоги конференций глав правительств трех великих держав: Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской. Их созыв и работа — результат реалистического подхода к решению сложных вопросов ведения войны, ее завершения и послевоенного устройства мира. Они были нацелены на долговременное сотрудничество великих держав, взявших на себя ответственность за уничтожение фашизма и послевоенное сохранение мира.

Одним из уроков является необходимость закрепления добытой с таким трудом и такой кровью победы. Это обязательная предпосылка необратимости позитивных процессов, получивших начало в ходе справедливой войны и в результате разгрома германского фашизма, а затем и японского милитаризма. Закрепление победы создавало условия прежде всего для восстановления пострадавшей в ходе войны страны и ее последующего прогрессивного развития. Оно также оказалось благоприятным и для развития общедемократических процессов в других странах, реализации новых возможностей в решении проблемы войны и мира.

Наша страна, одержав победу над нацистской Германией, вышла из войны с огромным морально-политическим авторитетом, сильной в военном отношении, но с ослабленной гражданской экономикой и большими потерями. Во время войны советские люди расправили плечи и почувствовали свою силу. Это позволило стране к середине 1950-х гг. в основном устранить на советской земле причиненные фашистами разрушения, поднять из развалин десятки и сотни городов и сел. Был восстановлен и превзойден промышленный потенциал страны, ожило сельское хозяйство. В области образования, науки и культуры удалось добиться больших успехов: по оценке ЮНЕСКО, Советский Союз в начале 1960-х гг. по уровню образования вышел на третье место в мире. Он первым шагнул в космос. Были и другие достижения в материальной, социальной и духовной областях. Место и роль СССР в мировом сообществе возросли многократно.

Однако в последующем случилось то, чего никак не ожидали советские люди: страна, выигравшая войну, и ее народ-победитель постепенно стали жить хуже, чем побежденные. Советский Союз распался на несколько независимых государств. Нарушилось единое экономическое и оборонное пространство, обострились прежние и возникли новые противоречия: политические, этническо-национальные, территориальные и прочие. На территории бывшего СССР возникли вооруженные конфликты. Изменилась духовная атмосфера. Республики, бывшие ранее в Советском Союзе, оказались отброшенными в своем развитии назад на несколько лет.

Причин этому несколько, но искать их в победе над фашизмом было бы неправильно. В то же время правомерно полагать, что в определенной степени она оказала чрезмерное успокаивающее воздействие. В истории нередко были случаи, когда победитель в войне в мирное время не сумел воспользоваться ее результатами и отставал в своем развитии от побежденных.

С точки зрения исторического развития, закрепление победы получило выражение в заключении мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией, в решении проблемы денацификации Германии и прочем. В середине 1970-х гг. произошло смягчение международной обстановки, усилилось сотрудничество между европейскими государствами независимо от их социального строя, появились признаки создания системы коллективной безопасности в Европе. В августе 1975 г. на совещании в Хельсинки 33 европейских государства, США и Канада подписали Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Он содержит в себе признание сложившихся в итоге победы над фашизмом и послевоенного развития территориальных границ, необходимости мирного урегулирования споров, принципа создания надежной основы для исключения агрессии из международных отношений.

Это важное историческое событие в конце 1970-х — начале 1980-х гг. получило дальнейшее развитие в связи с обострением международной обстановки, когда угроза ядерной войны стала особенно ощутимой. По-видимому, все же некоторые уроки истории политическим руководством учитывались, ибо после очередного обострения «холодной войны» во второй половине 1980-х гг. наступила очередная разрядка. Отношения между СССР и США улучшились, «холодная война» отступила, а вместе с ней и ядерная опасность. Начался процесс реального ядерного и общего разоружения. В рамках СБСЕ было принято решение о сокращении в Европе обычных средств ведения войны, в первую очередь наступательного оружия, об ограничении численности личного состава вооруженных сил европейских стран. Эти и некоторые другие факторы стимулировали перемены в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Произошла смена моделей международных отношений. Исчезло противостояние Восток — Запад. Существенно изменилась геополитическая карта Европы. Казалось, общественность, политики, государственные и военные деятели стали все больше усваивать ту истину, что в ядерный век надо мыслить новыми категориями, ибо речь идет о выживании и сохранении рода человеческого. Между тем действительность начала XXI в. показала, что военная сила продолжает играть большую роль в международных отношениях, да и в жизни отдельных государств и народов. Тенденции решения спорных вопросов и обеспечения безопасности политическими и другими не военно-силовыми средствами противостоит сильная тенденция решения спорных вопросов военно-силовыми средствами. Об этом свидетельствуют многочисленные локальные вооруженные конфликты. Количество последних, к сожалению, не только не уменьшилось, но, напротив, увеличилось. Одновременно мировому сообществу брошен вызов со стороны международных террористических и других организаций, опирающихся на мощную военную силу.

В связи со сказанным продолжает сохранять огромное значение урок, обязывающий учитывать коренное изменение места и роли войны и военного насилия в жизни общества вообще. Это означает, что гонка вооружений и терроризм любого толка сдерживают социальный прогресс, тормозят экономическое развитие стран и не позволяют повышать уро-

вень жизни народов. Кроме того, вровень с военной угрозой встали экологические угрозы вследствие разрушения природной среды, разрыва между развитыми и развивающимися частями мира.

Отсюда следует, что категорическим императивом нашего времени является не только недопущение ядерной войны и борьба с международным терроризмом, но и урегулирование и недопущение локальных вооруженных конфликтов, гонки вооружений, применения военной силы там, где противоречия и спорные вопросы могут разрешаться политическими и иными ненасильственными средствами. Теперь и безопасность государств не является функцией только военной силы. Наступило время, когда межгосударственные отношения, отношения между народами должны быть подчинены политике сохранения мира, решительного отказа от угрозы силой и тем более ее применения. Мировая политика должна основываться на широкой демократизации и гуманизации отношений. Таков еще один обязывающий урок.

Существенным уроком минувшей войны является необходимость отказа от национального, расового, классового эгоцентризма, чрезмерной идеологизации международных отношений. Необходимо также, чтобы у различных стран и народов была жизненная потребность в сотрудничестве ради предотвращения войны, в борьбе с ядерной опасностью и терроризмом. То, что это возможно, убедительно показали создание и функционирование во время Второй мировой войны антигитлеровской коалиции, ее решительная победа над блоком фашистских государств-агрессоров. Теперь же сотрудничество государств мира приобретает новые черты и сталкивается с новыми задачами, получившими название глобальных. Здесь важно находить пути решения самых острых и спорных вопросов, идти на разумные и приемлемые для каждой из сторон компромиссы, находить взаимовыгодные решения, эффективно действовать ради достижения совместной цели. Перед государствами и народами все больше и больше растет потребность в сотрудничестве ради мира на земле.

Новые содержание и направление получил урок, относящийся к обеспечению национальной, региональной и международной безопасности. Воплощая в себе диалектическую связь исторического опыта и современных задач, стоящих перед Россией, другими странами и перед человечеством в целом, новое в уроке безопасности заключено прежде всего в том, что прежние представления о безопасности и стабильности уже не могут считаться достаточными. Еще в 1970-е гг. было осознано, что в сфере безопасности происходят перемены принципиального характера, касающиеся не только путей и средств обеспечения безопасности в мире, но и самой сути понятия безопасности в новых исторических условиях, что военная сила перестает быть главным, основным средством решения политических, социальных, экономических, национальных и иных проблем. Понятие безопасности отражает теперь такую объективную потребность стран и народов, как необходимость защитить окружающую природу, саму социальную жизнь, устранить из нее причины, порождающие насилие, жестокость, человеконенавистничество и прочее; в интересах безопасности необходима оптимизация условий существования человека при обязательном исключении насилия над природой, общественными отношениями и личностью.

Вместе с тем и после мировой войны шли локальные войны, возникали вооруженные конфликты. Не исчезли угрозы национальной безопасности. Поэтому еще один урок минувшей войны и победы над фашистами состоит в необходимости надежной защиты страны от любых внешних угроз, в том числе и военных. Такая защита должна строиться на поддержании необходимого и достаточного оборонного потенциала (военной мощи) и построении стабильной системы международных отношений во всех областях: политической, экономической, социальной, военной, экологической, духовной.

Оборонная (военная) мощь необходима для сохранения территориальной целостности и национальной стабильности России и других государств СНГ. Им требуется военная мощь для обеспечения своей безопасности при возникновении кризисных ситуаций в непосредственной близости от их границ, для участия в случае необходимости в коллективных международных акциях по сдерживанию возможной агрессии в отношении других государств.

Непосредственным носителем необходимой военной мощи государства являются его вооруженные силы. Их главная задача — быть фактором стабильности общества, обеспечивать суверенитет, целостность и независимость государств. Вооруженные силы призваны решать эту задачу меньшей численностью, но с высоким профессионализмом в соответствии с новой концепцией защиты Отечества.

Итоги Великой Отечественной войны и победы над фашизмом постоянно напоминают о том, что чем значительнее историческое событие, тем поучительнее уроки, которые следует учитывать народам России, другим странам СНГ, да и всему человечеству. Это особенно важно понимать как политическому и военному руководству страны, так и всему обществу, каждому человеку. Отсюда вытекает еще один важный урок. Это урок реализма во внутренней и внешней политике, особенно при оценке состояния и тенденций развития общества, международной обстановки, соотношения сил мира и сил войны, основных тенденций исторического развития, а также высокой ответственности за выработку и принятие решений, которые отвечали бы условиям обстановки и потребностям, интересам страны, народа.

Ошибки и просчеты, допущенные накануне и в ходе войны, дорого стоили советскому народу. Исправление их было достигнуто ценой больших жертв и лишений. Дорого стоили и ошибки, допущенные политическим руководством в послевоенные годы. Правящие партии, правительство и народ должны критически оценивать свою деятельность, чего так не хватало в прошлом и не хватает сейчас. А ведь известно, что отношение партий, правительств, личностей к собственным ошибкам характеризует степень их зрелости и ответственности. Еще в древности говорили, что нужно бояться не планов неприятеля, а своих ошибок. А это означает, что урок состоит и в том, что крайне опасно абсолютизировать, догматизировать отдельные теоретические положения, принципы и выводы, политику государства, верные в одних условиях и устаревшие в других. Большую опасность для дела мира представляют упрощенное толкование противоречий между различными социальными системами и путей их разрешения, а также вера в непогрешимость собственных представлений о мире и протекающих в нем процессов, в непогрешимость осуществляемых мер.

В числе уроков Великой войны и Великой Победы над фашизмом особое место занимает урок патриотизма, урок готовности к защите Родины. Его важность особенно велика в переходный для общества период, когда наряду с положительными тенденциями особенно заметна разрушительное действие негативных явлений, свидетельствующих об ослаблении у некоторой части общества чувства патриотизма, о непонимании и даже об отрицании ею конституционного долга защиты Отечества.

Отсюда еще один урок минувшей войны и победы над фашизмом, урок послевоенных лет: жизненная потребность воспитания любви к Родине, гордости за Отечество, уважения к своей истории, делам и традициям предшествующих поколений. История Великой Отечественной войны, история победы над фашизмом является важнейшим и обязательным средством формирования патриотических качеств россиян, которые вобрали в себя все лучшее, что создано трудом, отвагой, творческим гением миллионов людей всех наций и народностей.

История Великой Отечественной войны продолжает оказывать мощное воздействие как на ум человека, так и на его чувства. Удовлетворяя его желание лучше понять события войны, она помогает более правильно определять свое отношение к событиям нынешним и тем самым поступать разумно, бороться с невежеством.

История этой войны учит молодежь, как непосредственно, практически защищать Родину, изучать военное дело, помогает понять необходимость овладения военным делом. Однако следовать примеру героев Великой Отечественной войны — это не значит их копировать. Важно, чтобы молодежь воспринимала сущность подвигов героев войны, их убежденность и преданность своему народу, любовь к Родине.

Живая связь с историей своего Отечества умножает наши силы. Обращение к истории Великой Отечественной войны помогает нам решать сложные задачи и преодолевать трудности, служит делу мира и социального прогресса.

Военная история — фактор развития современной России

Военную судьбу России, уникальной евроазиатской державы, не понять, не осознав глубину ее военно-исторических корней, не оценив питающую эти корни «хорошую» и «плохую» наследственность. Можно ли рассчитывать на успех в деле создания профессиональных вооруженных сил, игнорируя национальное военное наследие, содержащее не только достижения, но и просчеты? Для строительства армии, болезненно возрождающейся к жизни в новой России, обращение к забытым или искаженным страницам отечественной военной истории сулит немало откровений. Нам не чужда национальная гордость, чужд дежурный патриотизм: «Не все в любимой России должны мы принять и благословить. Но все должны понять и разгадать» (Г. В. Флоровский).

Древняя Русь имела дружинное войско, типологически сравнимое и не уступавшее в боеспособности вооруженным силам восточно- и североевропейских королевств. Военное искусство ее полководцев не только сопоставимо с лучшими европейскими и азиатскими образцами, но нередко их превосходит. Силы страны на протяжении веков истопались княжескими междоусобицами и постоянной борьбой с кочевниками Великой степи. Монголо-татарское завоевание и вторжения немецко-шведских крестоносцев приблизили катастрофу русской государственности, культуры и военного дела. На несколько веков русская военная сила оказалась втянутой в орбиту военной организации Востока, главным образом монгольской державы.

Из мировой истории известно, что наиболее воинственные этносы (арийцы, семитохамиты, монголы) отличались своеобразной нравственной энергией — энергией деструктивного плана. Герберт Спенсер писал, что «превосходство типа» не было общей чертой завоевательных рас. Они брали верх над неагрессивными свободолюбивыми народами не нравственным превосходством, а, скорее, высокой организованностью и неумемной жадой разрушения. Но эта энергия оказалась в конце концов бессильной перед устоявшейся цивилизацией. Сами же «варвары» растворились в более высокой культуре. Так было при великом переселении народов в IV–VII вв., во время монголо-татарских завоеваний в XIII в., аналогичной была судьба грозных викингов и беспощадных племен Тибета, ставшего затем символом мира и покоя.

Борьба с завоевателями многому научила русских людей, помогла осознать великую силу единства и сплоченности. Раздробленная Русь не могла сдерживать напора Золотой Орды, была ею подавлена и включена в ее состав на две сотни лет. И лишь тогда, когда в массовом сознании возобладала генетическая память о единой и великой Святой Руси, когда инициированная правителями и духовными пастырями она превратилась в общенациональную освободительную силу, иноземному игу пришел конец. Нравственная энергия со знаком «минус» вызвала к жизни духовную энергию со знаком «плюс», заставившую угнетаемые народы объединиться для отпора врагу на почве патриотизма.

Отечественная и мировая военная история свидетельствует об определяющем значении духовно-нравственных качеств воина. Наполеон I утверждал, что во всяком боевом деле три четверти успеха зависят от нравственной стороны и лишь одна — от материальной. В нравственных силах войск видел главный источник победы А. В. Суворов. В «Науке побеждать» он изложил систему воспитательных приемов и средств нравственной закалки солдата. Армия, народ в целом сильны главным образом своим духом, способностью подниматься до нравственных высот, когда решается судьба Отечества. Русский философ, поэт и публицист В. С. Соловьёв, сын выдающегося русского историка С. М. Соловьёва, писал: «...наша истинная патриотическая обязанность — желать и стремиться, чтобы наше Отечество было не только материально, но, главное, нравственно и духовно сильным... Факты нравственные, с одной стороны, более обширны, а с другой — более глубоко скрыты, чем факты материальные. Поэтому их наблюдение, классификация, научная постановка значительно труднее».

Военный героизм проходит красной нитью через всю историю России, превращаясь в отличительную черту национального характера россиян. В лихие годы именно необычайный взлет народного духа был той спасительной силой, которая позволяла с честью выйти из ниспосланных нам испытаний. При этом прелюдией к массовым проявлениям героизма служили подвиги героев-одиночек. Когда во время польско-литовской интервенции войска пана Лисовского подошли к стенам Троице-Сергиева монастыря (1608) и пытались сделать подкоп, крестьяне местной слободы Шилов и Слота упредили врага и, пожертвовав собой, взорвали ход вместе с поляками. Вдохновленные этим примером, монахи в течение 16 месяцев отбивали атаки, так и не пропустив врага.

Вспомним патриарха Гермогена, вспомним 20-месячную оборону Смоленска (1609–1611) против войск польского короля Сигизмунда. Идея бескорыстной защиты Отечества доминировала не только в крестьянстве и духовенстве, но и в высшем сословии. Бесстрашный Н. Н. Раевский в бою под Салтановкой (1812), увидев колебание своих солдат, вывел перед строем под картечь двух своих сыновей (одному из которых было 15 лет, а другому — 10 лет) и вместе с ними повел войско в атаку.

Уровень патриотизма в общественном сознании во многом зависит от «государственной зрелости» народа, его сплоченности в единое государственное целое. В этом случае понятие «отечество» не ограничивается стенами одного города и принадлежащими ему землями, а распространяется на территорию всей страны. Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что одним из наиболее питательных источников патриотизма в истории России со времен Древней Руси являлось православие. Россияне сражались не только за Родину, но и за веру Христову. Православная вера сыграла огромную роль в становлении русской государственности. Патриотизм и православная вера слились воедино, стали той непреодолимой нравственной силой, которая сокрушала врага. К религиозному чувству войска Дмитрия Донского зывал в 1380 г. игумен Троице-Сергиева монастыря Сергей Радонежский, и выигранная русскими Куликовская битва была закономерным следствием не только патриотического, но и религиозного энтузиазма. Впрочем, так же обстояло дело и в битве со шведами на Неве (1240), и с немцами на Чудском озере (1242).

Военная сила Московского княжества крепла с образованием централизованного государства, возобновившего борьбу за наследие Древней Руси. Разгром Иваном Грозным последних восточных ханств (Казань и Астрахань) во многом способствовал ратному могуществу страны. Однако тирания царя, разгул опричнины привели к ее ослаблению и поражению в Ливонской войне, гибели царствовавшей династии и второй катастрофе русской государственности — Смутному времени. Когда понятия «отечество», «православная вера» слились в народном сознании с понятием государственности, сформировалось знаменитое триединство: «За веру, царя и отечество». Оно стало высшим нравственным императивом воинской службы, подразумевающим верность царю как помазаннику Бога на земле. Царь занял в нем место связующего звена между верой Христовой и Отечеством. Эта стойкая привязанность к личности царя, случалось, подвергалась серьезным испытаниям. Как ни жесток и далек от народа был Иван Грозный, князь Курбский (1528–1583) напрасно рассчитывал, что его измена государю будет сочувственно принята русскими людьми. Народ отвернулся от предателя, встав на сторону царя, олицетворявшего идею государственности и единства.

Военная политика династии Романовых была осторожной и половинчатой. Вопреки народному колониально-переселенческому движению, расширившему государственную территорию за счет Сибири, все свое внимание правительство сосредоточило на Западе. К концу XVI в. боеспособность частей «русского» и «иноземного» строя значительно снизилась. Войско XV–XVII вв. в целом все еще сохраняло сходство с войсками Казанского ханства, олицетворяя наследие монголо-татарской Орды.

Уже в XIII в. население Западной Европы стало тяготиться личным участием в ратном сборе всех способных нести щит, и налог «на кровь» был заменен денежным налогом. Затем и вовсе здесь перешли к наемным войскам, что сделало их, по сути, управляемыми волей авантюристов и честолюбивых правителей. В то время когда в Западной Европе завербован-

ный солдат — «перекати-поле» без роду и племени — оставался до конца XVIII в. главной фигурой армии, Россия первой перешла к созданию национальной армии. Пётр I наложил на все податные классы населения рекрутскую повинность, по которой они обязаны были поставлять определенное число людей для укомплектования регулярной армии. Таким образом, в поисках более совершенного способа комплектования войск, позволявшего в полной мере воплотить лучшие нравственно-патриотические традиции народа, Россия на целое столетие обогнала другие европейские государства. Как отмечал русский военный теоретик и историк Н. П. Михневич, наиболее боеспособные армии и наибольшее развитие военного искусства всегда отвечали времени применения народных (национальных) вооруженных сил. Наемные же войска всегда вели военное дело к упадку. Обязательность службы и ее высокий социальный престиж в русском обществе возвышали патриотическую энергию бойца, побуждали к героизму. Напротив, наем на службу неизбежно порождает в солдате не патриотические, а меркантильные чувства, наводит на мысли о том, соответствует ли вознаграждение размерам тяжести службы и стоит ли за любую плату рисковать жизнью. Чтобы такого морально ушибленного солдата заставить воевать, нужны были муштра и страх перед наказанием, как говорил Фридрих II, «пикой капрала».

Военные реформы — не прихоть монарха, а осознание Петром I необходимости замены иррегулярных воинских формирований регулярными, дополнения сухопутной военной мощи государства морской. «Всякий Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет», — писал Пётр I в указе, «учиняя» Устав морской. Разработанные под его руководством уставы определяли организационные и тактические принципы управления армией и флотом, подробно регламентировали все стороны их жизни. Созданные Петром I принципиально новые вооруженные силы успешно выдержали боевой экзамен на сухопутном и морском театрах военных действий. В том же нравственном духе, что и армию, Пётр I воспитывал ее командный состав. Личным примером самоотверженного служения Отечеству он сделал службу в армии обязательной для дворянского сословия. Он сформировал общее мнение, что дворянин может и должен служить именно в войсках, несмотря на то что тогда требовалось начинать службу с солдата.

Национальный тип русской армии породил и новый тип солдата, командира, военачальника. В ходе сражений на суше и на море зародились новые боевые традиции, основанные на ратных подвигах наших предков, сформировалось полководческое искусство «птенцов гнезда Петрова»: Б. П. Шереметева, А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, А. И. Репнина и других.

Генеральный бой шведам в Северной войне Пётр I решил дать только после того, как убедился в нравственном превосходстве русских войск. Верность его расчетов доказали как знаменитое Полтавское сражение (1709), так и последующие успехи русской армии в течение всего XVIII в. Коренная перемена в устройстве, обучении и воспитании войск, совершенная Петром I, привела их к нравственной трансформации. Упорство, героизм и энергия русского солдата приобрели мировую известность, а самым важным приобретением в нравственной натуре солдата стали проявление патриотизма, верноподданнического чувства и религиозности.

Военные реформы и победы Петра I в Северной войне явились событием европейского значения. С помощью армии государственная власть милитаризовала и европеизировала дворянство и страну в целом. Однако амбиции власти, обусловившие непомерные военные расходы, предопределили стагнацию военного дела в 1725–1750 гг. Его подъем связан с Семилетней войной (1756–1763). Именно тогда Россия стала великой военной державой, несмотря на то что в части выучки ее армия заметно уступала иностранным, а уровень командования и бытовые условия в войсках оставляли желать лучшего. Тем удивительнее, что все главные сражения Семилетней войны Россия выиграла. Секрет этого, казалось бы, парадокса кроется в несомненном нравственном превосходстве русского солдата. Положение наших войск нередко становилось отчаянным, но упорство, героизм солдат спасали армию, сломить ее не смогли даже усилия великого Фридриха II, заявившего, что «этих людей легче перебить, чем победить».

Высший взлет нравственного духа русской армии и отечественного военного искусства связан с именем А. В. Суворова. Он был глубоко национальным военным деятелем, непримиримым противником механического подражания иностранным образцам. Как никто другой, владея ключом к сердцу солдат, он умел поднять боевой дух войск до высшего предела, вызвать у них неукротимый наступательный порыв, готовность дерзко идти на штурм, не обращая внимания на неприятельский огонь.

Высокие духовно-нравственные качества русской армии во многом обуславливались ее социальным составом. Начиная с Петра I, войска формировали по преимуществу из сельских жителей, а не жаждущих лишь наживы наемников. Крестьянин-солдат отличался твердой волей, крепкими нервами, необыкновенной выносливостью и коллективизмом, что было характерно для специфики сельского труда и общинного уклада жизни.

Войны, которые Россия вела до 1814 г., по большей части были исторически оправданы. Победа над Наполеоном превратила ее в военного гегемона Европы. Одновременно с гипертрофией самодержавия с 1820-х гг. начался процесс «окаменения» русской военной машины. Одерживая победы над азиатским противником, царизм терпел поражения в войнах с совершившими промышленную революцию государствами Европы. Крымская война 1853–1856 гг. покончила с его претензиями на военную гегемонию в Европе.

Реформы второй половины XIX в., победоносная послереформенная война 1877–1878 гг. и военные программы начала XX в. в полной мере не ликвидировали отставание от передовых европейских стран в военном строительстве, и старая армия, несмотря на солидный потенциал, вместе с государством потерпела крушение к 1917 г. Красная армия, позднее Советская армия, наследовала и «плюсы», и «минусы» старой русской армии. Сохранить как можно больше «плюсов» и постараться изжить как можно больше «минусов» — центральная задача современной Российской армии.

Несколько устаревшее словосочетание «военное дело» в своем семантическом и вместе с тем широком смысле вбирает в себя все вопросы военной теории, строительства и практики вооруженных сил. Войны и все с ними связанное то ускоряли, то замедляли развитие цивилизации, неся неисчислимые беды человечеству, особенно в XX в.

Отечественная наука всегда уделяла значительное внимание проблемам милитаризма. Политологи, философы, историки, экономисты, социологи, военные теоретики давно и плодотворно изучают корни этого явления. Милитаризм оказывает возрастающее и все более губительное воздействие на природу. Произшло коренное изменение в соотношении милитаристской и «невоенной» сторон современного общества. Ряд объективных факторов способствовал ситуации, когда в качестве главного субъекта, определяющего это соотношение, выступают военно-промышленные комплексы противостоявших ранее держав и их военных организаций.

Милитаризм перестал быть явлением только национальным. Существо современного милитаризма не сводится к расширению его географии, военным блокам и усилению воздействия на все стороны жизни современного общества. Идет усиленная милитаризация третьего мира, сопровождающаяся широким экспортом оружия, военной техники и технологий из высокоразвитых стран, — экспортом, именуемым «военной помощью развивающимся странам». Налицо качественный сдвиг: милитаризм становится геомилитаризмом. По существу, геомилитаризм есть не что иное, как взятый капитализмом на вооружение способ разрешения противоречий в отношениях «человек — природа» и «человек — общество». В современных условиях принципиально меняется сама постановка вопроса о войне и мире, трансформируясь в проблему сохранения жизни на земле. Геомилитаризм представляет собой реальный фактор физического уничтожения человечества, который следует рассматривать как в глобально-экологическом, так и социально-историческом аспектах. Глобально-экологический аспект означает, что по своему реальному и тем более потенциальному влиянию на развитие общества и среды обитания геомилитаризм не только одномасштабен силам природы, но и способен видоизменить их в неблагоприятную для биосферы сторону. Из-за этого данное явление может быть понято лишь в процессе планетарно-экологического рассмотрения.

Разумеется, многое из сказанного выше имело место и до превращения милитаризма в геомилитаризм. Налицо, однако, качественный сдвиг: милитаризация экономики означает омертвление огромных, непрерывно возрастающих в объеме материальных и интеллектуальных ресурсов человечества, усиление антропогенного воздействия на природу. Использование в военной сфере материальных ресурсов предопределяет прямую переработку природной среды в среду искусственную, то есть геомилитаризм нацелен на «съедание» планеты еще до того, как будет приведена в действие зловещая разрушительная сила. Присущие геомилитаризму антагонистические отношения между обществом и природой ставят под вопрос саму возможность существования человека, поскольку носителем свойств и качеств социального индивида, субъектом цивилизации он способен быть, лишь оставаясь биологическим организмом. Иными словами, биологическое и социальное начала в человеке оказываются под угрозой дезинтеграции. Производство, являющееся видовым фактором существования человека, равно как его сотрудничество с природой, оказывается направленным и против человека, и против самой природы.

История — одна из древнейших наук, осмысляющая прошлое во имя будущего. Вероятно, что первоначально история возникла как образ мышления. Во всяком случае человечество долго боролось с «збыбучими песками» фактов, прежде чем обнаружило, что в нагромождении его прошлого опыта присутствует некая путеводная нить.

Политическая история возникла как последовательное изложение событий под определенным углом зрения. Угол зрения, как правило, зависел от политических пристрастий власти и тех, кого она приглашала «записать историю». В этом смысле можно утверждать, что практика фальсификации истории родилась едва ли не одновременно с попытками объективно изложить произошедшее. Подтасовка реальных фактов присутствовала уже во времена Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима. Особенно активно применяли ее в переломные моменты, когда интерпретация факта порой значит больше, чем сам факт, приобретая роль решающего аргумента в трактовке исторического события.

Все это справедливо и для современной России, в которой социально-политические, культурные и духовные ценности советской формации подверглись ревизии или отвергнуты на официальном уровне. Образовавшийся вакуум заполняется теориями, концепциями, версиями, во многом западного происхождения, чуждыми российскому историческому сознанию. Вседозволенность средств массовой информации, равно как и их заидеологизированность, способствует искажению отечественной истории, из обихода гражданина изымаются основные национально-государственные ориентиры: патриотизм, верность долгу, честь и достоинство, веротерпимость. Значительная часть населения сегодняшней России не ведает, кто ее друзья и кто враги, каковы реальные угрозы национальной и военной безопасности.

У России богатейшие военные традиции. В прошлом у нее лучшая в мире военная организация, сильнейшие армия и флот. Россия дала миру немало великих стратегов и полководцев, ее военное искусство всегда отличалось богатством эффективных методов и форм вооруженной борьбы. Русский солдат известен миру как один из самых сообразительных, выносливых, стойких и при этом гуманных. Методологический потенциал военного прошлого России настолько велик, что сегодня он может и должен стать фундаментом формирования «национальной идеи», ее духовной составляющей.

Не будет преувеличением считать, что отечествоведение (родиноведение) представляет собой, в сущности, сумму общеисторических и военно-исторических знаний о России. Хочется вспомнить слова генерала Н. Н. Сухотина из его знаменитой книги «Войны в истории русского мира»: «Знание своей Родины, знание прошлого ее, знание прошлого военного и боевого своей армии есть... основа для образования народного мировоззрения — такого склада понятий и взглядов, которые сознательно и инстинктивно всегда укажут или подскажут верные и правильные пути в разных случаях деятельности, основа для развития и укрепления прирожденного чувства любви к Родине, основа для воспитания в каждом из нас веры в силы своего народа, своей армии».

Как общественная наука военная история представляет собой комплекс дисциплин. Одни из них (история войн, история военного искусства, история военного строительства, история военной мысли) являются основными, другие (военная историография и источниковедение, археографическая военно-историческая работа и военная статистика, военная археология) играют как бы вспомогательную, но отнюдь не второстепенную роль.

Необходимость реализации потенциала военно-исторических знаний в целях воспитания гражданина своей страны ставит вопрос об уточнении социального предназначения и функций военной истории. Во-первых, военная история изучает прошлое народов, государств, оценивает это прошлое, чтобы выявить закономерности общественного развития, правильно понять его тенденции, извлечь уроки и учитывать их в практике сегодняшнего и завтрашнего дня. Военно-историческая наука неразрывно связана с современностью, так как проблема войны и мира продолжает оставаться одной из наиболее острых глобальных проблем современности. Во-вторых, военно-историческая наука, объективно оценивая военное прошлое нашей страны и других стран, вырабатывает теоретические положения и оценки по истории войн, военного искусства, военного строительства и прочего. Таким образом, она активно включается в решение оборонных задач государства. В-третьих, объективная истина, определяемая военно-исторической наукой, отражается в понятиях, которые раскрывают законы военных событий и формы их реализации, помогают понять сущность исторического процесса. Исследуя деятельность людей, направленную на достижение политических целей военными средствами, военно-историческая наука показывает особенности и формы этой деятельности.

Военно-историческая наука не только исследует историю войн, военного прошлого как единый закономерный процесс, но и определяет основные закономерности развития военного искусства, закладывая тем самым предпосылки прогресса военной теории и практики. Своими исследованиями она показывает факторы и условия, которые привели именно к такому, а не иному результату, оценивает различные варианты военных действий, уделяя особое внимание реализованным возможностям (например, факторам успешного контрнаступления наших войск под Сталинградом и Курском). Говоря об этой стороне методологической функции военно-исторической науки, необходимо отметить, что она оказывает непосредственную помощь военной науке, снабжая материалом, из которого последняя вырабатывает теоретические и практические рекомендации вооруженным силам. В данном смысле военно-историческая наука является важным фактором укрепления оборонной мощи страны.

Неотъемлемой функцией военной истории является мировоззренческая функция. Она выражается, во-первых, в осмыслении места войны в историческом процессе, выработке отношения к войне и роли в ней человека, а также к войне и военным действиям (искусству их ведения) как к средствам изменения действительности в интересах общества и государства; во-вторых, данная функция способствует развитию общей, в том числе военной культуры человека и гражданина, влияет на формирование правильных представлений о характере современной войны и понимание военной доктрины государства.

Важной функцией военной истории является образовательная, выражающаяся в передаче, прежде всего военнослужащим, профессиональных знаний, умений и навыков, в повышении уровня их воинского мастерства, расширении кругозора, развитии творческого мышления.

Воспитательная функция состоит в том, что, раскрывая героическое прошлое народов России, СССР, военно-историческая наука способствует повышению морального духа нации, ее нравственности. Она не только является побудительным мотивом воспитания высоких нравственных качеств воина, гражданина-патриота, но и непосредственно участвует в формировании такой важной составляющей оборонной мощи государства, как морально-политический фактор. В связи с этим особого внимания заслуживает факт поворота идеологической работы в Вооруженных силах СССР накануне Великой Отечественной войны от «абстрактной и крайне политизированной» к ориентированной на всестороннее и глубокое изучение военно-исторического опыта. «У нас проводится... охаивание старой

истории, выдающиеся полководцы прошлого забыты, их военное искусство остается неизвестным командному составу, все это приводит к игнорированию исторического конкретного опыта», — говорилось в мае 1940 г. на совещании Наркомата обороны по вопросам идеологической работы в Красной армии.

В годы Великой Отечественной войны политики, военачальники и общественные деятели всемерно пропагандировали былые подвиги русского народа. Напоминая о героическом прошлом, военная история учила советских людей побеждать врага, связывая воедино минувшее, настоящее и будущее. Показ величия победы советского народа в Великой Отечественной войне играет большую воспитательную роль и сегодня. По размаху театров военных действий, численности участвовавших в ней войск, боевой техники и ожесточенности сражений, наконец, по числу погибших она не имеет аналога в истории. В Вооруженные силы Советского Союза были призваны более 30 млн мужчин и женщин — цвет нашей многонациональной страны. Через состав действующих частей и соединений армии и флота прошли более 20 млн человек, не менее половины которых погибли. В разные периоды войны действующая армия включала от девяти до 15 фронтов, в составе которых находилось от 40 до 62 общевойсковых армий. Число стрелковых дивизий колебалось от 220 до 440. Вместе с ними вели боевые действия до 25 танковых и механизированных корпусов, 60–70 артиллерийских и минометных дивизий, десятки артиллерийских и минометных бригад. С воздуха войска поддерживали от 100 до 150 авиационных дивизий. Численность личного состава действующей армии колебалась от 4,5 млн до 6,5 млн солдат и офицеров, количество орудий и минометов — от 40 тыс. до 100 тыс. единиц, танков и САУ — от 5 тыс. до 12 тыс., боевых самолетов — от 4 тыс. до 15 тыс.

В отечественной истории сконцентрированы сведения о прошлом нашего многонационального народа, и как бы далеко ни отстояло от нас это прошлое, его надо знать, чтобы не утратить традиции и духовную связь поколений. Традиции являются питательной средой культуры, душой армии и народа. Провалы в исторической памяти, тем более ее атрофия, есть бедствие, ибо память о делах предков — это не абстрактно идеологическая категория, а базис морали гражданина-патриота. Обязанность военных историков — вернуть народу забытые имена героев, раскрыть сущность утраченных традиций, чтобы вдохнуть в них новую жизнь. Почти до конца минувшего века мало кто из нас знал, что уничтоженный в 1930-е гг. храм Христа Спасителя, самый грандиозный воинский памятник за всю историю России, был посвящен победе в Отечественной войне 1812 г. и поставлен на месте захоронения воинов, павших в Куликовской битве. К открытию храма П. И. Чайковский специально написал увертюру «1812 год». Он же дирижировал сводным оркестром при его открытии.

Воинская слава неразрывно связана с таким замечательным словом, как верность. Верность дружбе, верность другу, верность присяге, верность Отечеству — вот главные духовные составляющие героизма, залог несокрушимости государства.

Военная история как важнейшая составная часть отечественного культурного наследия дает возможность моделировать сложнейшие противоречивые процессы современности, облегчать поиск путей выхода из кризисных ситуаций. Правомерно ставить вопрос о прогностической функции военно-исторической науки, которая определяется возрастающей потребностью иметь исторический «капитал» для прогнозирования характера будущих войн и военных конфликтов, анализа подготовки к ним и опыта их предотвращения.

Обладея значительным потенциалом, российская военно-историческая наука призвана выполнить важные оборонные и общемировоззренческие задачи. В какой мере она готова сегодня это сделать? Ответ на этот вопрос неоднозначен, поскольку вряд ли приходится отрицать, что, несмотря на высокий уровень развития, отечественная военно-историческая наука переживает кризис, обусловленный спецификой нынешнего переходного периода в истории России. Под кризисом здесь следует понимать не застой и упадок, как это иногда пытаются трактовать, а поляризацию теоретико-методологических взглядов и подходов, которая во многих случаях разрывает объективную историческую картину. Кризисные проявления очевидны и выражаются в следующем:

- в результате уточнения или изменения объекта исторических исследований и пересмотра их методологических основ изменяется содержательная часть военной истории;
- сокращается когорта профессионалов: многие опытные военные историки отстранились от работы, а новое поколение специалистов формируется чрезвычайно медленно;
- организационная структура (аппарат) военно-исторических исследований обескровлена, многие ее звенья уничтожены;
- нарастает тенденция сужения и сокращения проблематики военно-исторических исследований; школьные и вузовские учебники по истории нашпигованы датами, фактами, событиями, именами, порой заслоняющими истинное величие военных подвигов России;
- сокращается доля позитивного военно-исторического материала в программах радио и телевидения.

Стало привычным концентрировать внимание российских читателей и слушателей исключительно на вырванных из контекста негативных явлениях, переломных, а потому особо острых в социальном плане периодах отечественной истории. Эта деструктивная тенденция выбивает из идеологического потенциала государства важный пласт, необходимый для воспитательной работы в вооруженных силах и среди гражданского населения.

Развернувшись в конце 1980-х — 1990-е гг. процессы, связанные с переосмыслением прошлого, сопровождались (и все еще сопровождаются) проявлениями нигилизма, непродуктивной ретроспекции, «исторического беспамятства». Все это, по сути, антиисторично и не способно исправить историческую несправедливость. «Новая» полуправда не может дать народу истину о подлинной военной истории Отечества. Особенно это относится к событиям 1937—1939 гг., предыстории Великой Отечественной войны, начальному ее периоду, причинам неудач и поражений советских войск в 1941—1942 гг., людским и материальным потерям, судьбе военнопленных и прочему. В малоисследованные сферы военной истории «шумною толпой» вторгаются публицисты, продюсеры, предприимчивые деятели культуры, кино и театра. Действуют они, как правило, в одном направлении — негативно-разоблачительном. И далеко не объективном. Создается достаточно устойчивый историко-нигилистический фон, на котором и героические страницы военной истории Отечества, особенно периода Великой Отечественной войны, предстают в извращенном виде. В итоге получается, что многие военно-исторические произведения, особенно о минувшей Отечественной войне, лишь усиливают моральную и социальную путаницу, не оставляют личности (тем более в стадии ее становления) позитивных ориентиров морально-этического свойства. Скучная, с элементами бульварности литература о войне подрывает всякое доверие к объективной трактовке человеческого поведения в экстремальных ситуациях (войны, конфликты и прочее).

Нельзя не сказать и о том, что кризис военно-исторической науки отчасти связан с ослаблением внимания к ней (особенно в 1990-е гг.) высшего политического и военного руководства страны. Прав русский ученый профессор В. И. Шерemet, говоря, что в истории России война есть тяжкий труд всего народа. Именно поэтому заслуживают всяческой поддержки те, кто стремится воссоздать правдивую военную историю Отчизны. Но можно ли бороться с фальсификацией истории в принципе? Разумеется, если знать, что фальсификация рождается:

- в прокрустовом ложе идеологического заказа и властных установок;
- как следствие политической конъюнктуры;
- в результате беспринципности автора (целевого заказа);
- в отсутствии достаточного объема фактов, что позволяет исследователю дать волю фантазии;
- когда факты противоречивы и исследователь не способен либо не желает трактовать их объективно;
- когда амбиции автора превосходят его профессиональные возможности.

Зная почву, на которой произрастает фальсификация, мы получаем возможность свести ее к относительно безобидным для исторической правды размерам. Бороться с фальсификаторами означает для историка необходимость дать объективную, подтвержденную фактами

трактовку прошлого, на фоне которой фальшь будет звучать нелепо, подобно ударам литавр в концерте для скрипки. Первейшая задача, стоящая перед военными историками всех направлений, состоит в быстрейшем преодолении кризисных явлений в своей науке. В этой связи особое значение приобретает более четкое представление о самой военной истории, ее взаимоотношениях с другими отраслями научного знания, прежде всего с военной наукой. Распространено, например, мнение, что военно-историческая наука является ее частью. Что это не так — и генетически, и онтологически, и функционально, — свидетельствуют исследования, основанные на анализе и обобщении военно-исторической действительности, а не на априорных конструкциях и отрывочных фактах. Известно, в частности, что военно-историческая наука (военная история) в России сложилась как относительно самостоятельная отрасль исторической науки в XIX в., даже несколько ранее, чем военная наука. В настоящее время достаточно четко определились объекты и предметы этих наук, их методы, понятия и категории, задачи, а также характер их взаимосвязи и взаимодействия, отнюдь не являющийся субординированным.

Во-первых, военно-историческая наука выражает исторический метод познания, а военная наука — теоретический, которые реально существуют и взаимодействуют, не «подчиняясь» при этом один другому. Исторический метод состоит в прослеживании конкретного процесса с момента его зарождения через основные этапы развития, то есть в генетической взаимосвязи. Теоретическое же познание, как и логический метод, состоит прежде всего в выяснении сущностного, закономерного, типичного и особенного, то есть в формировании теоретических положений. История отражает ход общественного развития в конкретно-хронологической форме, а теория истории воспроизводит его в абстрактных понятиях и категориях.

Во-вторых, объект и предмет военно-исторической науки намного объемнее науки военной. Военная история исследует военную деятельность государств, партий, классов, различные войны в историческом измерении (мирные и немирные периоды жизни наций, народов, государств), военная наука — военно-политический, военно-стратегический и военно-технический аспекты, вооруженную борьбу. Естественно, что история военной деятельности государства или история войн (например, Второй мировой войны) по своему объему никак не может быть частью военной науки, основными проблемами которой являются закономерности вооруженной борьбы, развития и применения вооруженных сил, вопросы теории и практики военного искусства.

В-третьих, функции и задачи военно-исторической науки многообразнее функций и задач, решаемых наукой военной. Первая играет важную мировоззренческую роль, несет в себе огромный морально-нравственный заряд и потому незаменима в военно-патриотическом воспитании. Ее роль велика в формировании качеств, необходимых полководцу, военачальнику, в развитии как общего, так и профессионального мышления военных кадров. Военная наука вооружает их научными знаниями, дает понимание теории вопроса и предлагает рекомендации, необходимые в военной практике. В сравнении с военной историей она более профессионально-прикладная.

В-четвертых, военная история и военная наука имеют разные перспективы. Если войны не исчезнут вообще, то в значительной степени перестанут быть «типичными», «традиционными», какими являются сейчас, что неизбежно приведет к смене всего понятийно-категориального аппарата военной науки в ее современном понимании. Это позволяет предполагать, что военная наука как особая отрасль военных знаний со временем, возможно, окажется невостребованной и отомрет. Она вольется в русло науки истории и будет изучаться с той же целью, с какой изучается история прошлого.

И, наконец, самое важное. Военная история несет в себе солидный заряд онтологического (бытийного) содержания для военной науки. Вопрос о «бытии» военной науки не имеет смысла вне сферы военно-исторической действительности и военно-исторического опыта. Ее фундаментальные положения являются результатом познания военно-исторического процесса в целом и его составных частей, таких как история отечественной и зарубежной военной мысли, история военного искусства и другие.

Особого внимания к себе требуют философские и методологические проблемы военной истории. Причины заблуждений на пути к истине английский философ и государственный деятель Ф. Бэкон (1561–1626) называл «призраками» и «идолами». Применительно к современной военной истории это догматизм и мифологизация, антиисторизм и антисоветизм, авторитаризм и отрицание (недооценка) национального духа исторической науки. Разработка философско-методологических аспектов военной истории необходима для повышения уровня исследований, усиления ее взаимосвязи с военной наукой, которая также нуждается в изжитии своих кризисных явлений. Этому способствовали бы, например, преодоление взглядов, отождествляющих войну и вооруженную борьбу, разработка теории Второй мировой войны, локальных войн второй половины XX — начала XXI в., видоизменения характера современных военных конфликтов и прочее.

Неотъемлемым условием эффективного развития военно-исторической науки является изменение самого ее характера и содержания. Ее привычная продукция — произведения, исчерпывающиеся лишь отражением военной действительности прошлого, — ныне утрачивает потребителя. Современный военно-исторический труд не должен ограничиваться единством описания и объяснения, а представлять собой синтез историко-философского осмысления прошлого. Это, разумеется, не означает, что его следует превращать в иллюстрацию философских категорий, философия должна присутствовать в нем как метод исследования и изложения материала.

Универсальной философско-методологической основой военно-исторических исследований в СССР являлся марксизм-ленинизм, имевший статус государственной идеологии. Политизация военно-исторического познания исключала возможность использования иных идей и теорий, в силу чего это познание в значительной мере утрачивало научность. В настоящее время сложились в целом благоприятные условия для формирования объективного исследовательского подхода. Прекращение противостояния двух общественно-политических систем (в его традиционном понимании) минимизировало неизбежность политизации исторического знания. Наметившийся научный плюрализм в исторической мысли обуславливает поиск путей к синтезу философско-исторических и концептуальных подходов. При этом, во-первых, необходимо исключить какие-либо претензии на создание новых универсальных теорий и методов исторического познания, противоречащих неисчерпаемости свойств общественно-исторического, военно-исторического развития. Во-вторых, следует учитывать, что всякая новая научная теория, основанная на добросовестном анализе и обобщении исторического действительности, содержит рациональное зерно и тем самым вносит определенный вклад в развитие исторической мысли. Обновленная методология исторического исследования должна представлять собой синтез идей, методов, теорий и подходов, которые позволят углубить изучение российского и мирового исторического процесса в целом.

Чтобы быть на уровне стоящих перед ней задач, военно-историческая наука должна:

- сохранять свой национальный дух;
- учитывать достижения разных школ и направлений, как отечественных, так и зарубежных;
- следовать принципу диалектически понимаемой преемственности этапов развития науки;
- не отрываться от практики общественного развития, эволюции военного дела.

Необходимо активнее вовлекать в научный оборот новые архивные материалы и документы, а также «забытые» военно-исторические труды. Представляет большой интерес решение и таких задач, которыми являются:

- систематизация данных о количестве войн, которые вела Россия, их социально-политическом и военно-стратегическом характере;
- изучение опыта совершенствования русской военной системы;
- комплексные исследования в области истории военной безопасности России;
- изучение опыта проведения военных реформ (как в России, так и в ведущих зарубежных странах);

- обобщение опыта Российского государства в области военного сотрудничества с другими странами (в том числе опыта участия России в современных миротворческих операциях);
- проведение аналитической работы по уточнению основных военно-политических понятий;
- расширение контактов российских военно-исторических структур с соответствующими структурами дружественных стран ближнего и дальнего зарубежья;
- увеличение в российских средствах массовой информации материалов, раскрывающих позитивные стороны отечественной военной истории.

Существует немало других направлений, форм, средств и способов мобилизации имеющегося у нас богатого воспитательного потенциала военной истории.

В сегодняшней России, где бездействуют многие базовые средства воспитания граждан, военная история остается едва ли не единственным источником утоления патриотических запросов защитника Отечества.

Войны нового поколения

За 5 тыс. лет на планете произошло около 14 тыс. войн, которые унесли жизни почти 5 млрд человек. При этом за последние 3400 лет человечество имело всего лишь 250 лет всеобщего мира¹²⁸. Вторая мировая война вошла в скрижали цивилизации как самая моторизованная и кровопролитная из всех войн четвертого поколения¹²⁹. В ходе этой войны было применено ядерное оружие, обладающее огромной разрушительной силой. У мирового сообщества хватило разума ограничить его испытания и распространение, превратив его, по сути, в оружие сдерживания.

Вместе с тем военная теория разрабатывает, а практика уже проверяет концепции войн нового, шестого поколения. В военной доктрине Российской Федерации, утвержденной 5 февраля 2010 г., к характерным чертам современных военных конфликтов отнесены следующие: комплексное применение военной силы, а также сил и средств невоенного характера; массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием; расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве; усиление роли информационного противоборства; сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий; повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием; создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий¹³⁰.

К особенностям современных военных конфликтов военная доктрина относит непредсказуемость их возникновения; наличие широкого спектра военно-политических, экономических, стратегических и иных целей; возрастание роли современных высокоэффективных систем оружия, а также перераспределение роли различных сфер вооруженной борьбы; заблаговременное проведение мероприятий информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем — в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы.

В доктрине отмечено, что военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей. При этом для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного,

лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники. В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт.

По мнению ведущих экспертов, главная цель войн шестого поколения — нанесение максимального ущерба бесконтактным способом экономическому потенциалу противостоящего государства, находящегося на любом удалении от агрессора. Войны этого поколения кардинально отличаются еще и тем, что вся мощь агрессора будет функционально направлена лишь на безусловное поражение объектов экономики противника путем одновременного нанесения мощнейших информационных ударов и массированных ударов непилотируемого высокоточного оружия различного базирования. При этом вместе с контактными войнами будут постепенно вытесняться многочисленные общевойсковые формирования сухопутных войск и обесценятся не только обычные вооруженные силы, но и ядерное оружие.

Новые войны будут более масштабными. Они приведут к росту жертв среди гражданского населения. В них трудно будет выявить явного победителя и побежденного. Боевые действия, как правило, будут вестись децентрализованно и разрозненно. Цель таких войн — дестабилизация, перемещение гражданских групп, разжигание розни между ними, разрушение моральных, социально значимых священных устоев. Новые войны будут изобиловать многочисленными приковывающими к себе внимание зверствами, бессмысленными разрушениями, в том числе социальной среды, и приведут к голоду¹³¹.

Генезис конфликта XXI в.: все большее расслоение населения, появление нетрадиционных империй, борьба за обладание ресурсами, возвращение к догосударственным структурам, рост деспотизма и коррупции, стирание различия между военными операциями и обеспечением правопорядка, непредсказуемое сочетание антропогенных, природогенных и социогенных катаклизмов и коллизий, сепаратизм, исключительность права на территорию, в том числе с фальсификацией исторических фактов.

Войны шестого поколения в отличие от войн четвертого поколения, скорее всего, не будут носить длительный характер, и весь процесс вооруженной борьбы будет протекать по законам и правилам, навязанным сильнейшим — тем, кто в наибольшей мере подготовился к таким войнам.

Принципиально важным является то, что стороне, ведущей войну шестого поколения, для достижения своих стратегических целей необязательно захватывать территорию противника и тем более удерживать ее длительное время. Государство, не подготовленное к ведению войн нового поколения, обрекает себя на неминуемое поражение, так как для противостояния массированному удару воздушно-космических средств противника надо иметь совершенно иные вооруженные силы. Они должны создаваться не на базе крупных сухопутных группировок, а на основе эффективной стратегической системы воздушно-космической обороны, способной отражать длительные массированные удары высокоточных средств противника, и достаточного количества собственных высокоточных средств поражения различной дальности действия и средств, построенных на новых физических принципах.

Войны будущего внесут большие изменения в законы вооруженной борьбы. Наполнятся новым содержанием принципы военного искусства. Изменится координатная система войны. Если в войнах прошлых поколений координаты основных усилий противоборства лежали на поверхности земного шара (ширина, глубина наступления или обороны), а вертикальная, главным образом воздушная, использовалась лишь как вспомогательная, обеспечивающая, то в войне будущего произойдут противоположные изменения. Основные усилия в ней будут сосредоточены по вертикальной — воздушно-космической координате, а наземные координаты станут обеспечивающими.

Существенно изменится и структура вооруженных сил целого ряда государств. Они будут ориентированы лишь на безъядерную войну, хотя ядерное оружие сохранится в арсе-

налах некоторых из них. Вооруженные силы окажутся функционально и организационно разделенными на стратегические оборонительные и стратегические ударные силы, а также, очевидно, будут иметь небольшие мобильные силы.

Войны будущего могут начаться и практически завершиться проведением длительной воздушно-космической наступательной операции совместно с операцией стратегических неядерных, высокоточных сил, а также средств военно-морских сил. По продолжительности такая совместная операция может осуществляться 60–90 и более суток, что перекрывает все ныне существующие нормативы. Ежесуточно будет производиться 3–5 тыс. и более массированных ударов высокоточными ракетами класса «воздух — земля», а также крылатыми ракетами морского базирования и беспилотными летательными аппаратами ударного действия. Роль космоса, космических сил и средств становится исключительно важной и многоплановой. Из космоса также будут наноситься высокоточные удары по целям на земле, вестись непрерывная разведка, обеспечиваться управление, связь, предупреждение о ракетном нападении, метеообеспечение, навигация, радиоэлектронная борьба и прочее.

В воздушно-космической наступательной операции уменьшится значимость фактора соотношения в силах авиации по числу самолетов, а на первое место выйдет соотношение по высокоточным вооружениям классов «космос — земля», «воздух — земля», «море — земля», «космос — космос», «воздух — воздух», «море — море» по скорострельности, дальности и точности стрельбы, помехозащищенности. Не следует ожидать увеличения общего количества самолетов пилотируемой авиации, однако вся она станет всепогодной, всесуточной, с широким набором средств радиоэлектронной борьбы и будет малозаметной для средств дальнего радиолокационного обнаружения противника.

Стратегическая воздушно-космическая наступательная операция наиболее вероятно будет включать два этапа. На первом этапе продолжительностью 10–15 суток будут наноситься массированные удары для поражения средств ответного удара противника, важнейших военных и военно-экономических объектов, органов управления государством и вооруженными силами, подавления системы ПВО и захвата инициативы в войне. На втором этапе продолжительностью 30–50 суток и более массированными ударами высокоточных средств космического, воздушного и морского базирования завершится разгром экономического потенциала противника, его системы управления государством и вооруженными силами, чем будут практически достигнуты как стратегические, так и политические цели войны. На этом война может закончиться полностью.

Космические ударные вооружения получат наибольшее развитие, так как они позволят вывести стратегические неядерные силы за пределы собственной территории и содержать их в высокой боевой готовности. В околоземном космическом пространстве можно будет заблаговременно развернуть и содержать в готовности к немедленным действиям требуемую группировку космических ударных средств, которые способны поражать любые объекты и цели, расположенные в глубине территории противника. В космическом пространстве нет ограничений по объему развертываемых ударных средств. Действительное назначение космического оружия установить трудно, так как оно может быть замаскировано под другие системы.

Для повышения точности попадания до абсолютной во всех средствах поражения будет применяться общеземная система координат, в которой взаимное расположение различных объектов, разнесенных даже на десятки тысяч километров, будет определяться с ошибкой не более 20 см. Будут использованы оригинальные методики, технологии, фотограмметрические и другие приборы высокоточной и достаточно быстрой обработки космических снимков, которые позволят создать геоинформационные системы, проектировать трехмерные цифровые модели местности, создавать новые топографические и цифровые электронные карты, планы городов, отдельных объектов экономики, формировать банки данных, прежде всего в военных целях.

Современные типы войн, которые, скорее всего, будут вестись в первой четверти XXI в., можно четко разделить на два вида — контактные войны (четвертого поколения) с приме-

нением обычного оружия и бесконтактные войны (шестого поколения) с применением высокоточного ударного и оборонительного оружия различного базирования обычного типа, оружия на новых физических принципах, информационного оружия, сил и средств радиоэлектронной борьбы.

Современные войны могут вестись асимметричными методами. Наибольшую угрозу представляют ядерный, информационный терроризм и «цифровой джихад».

Под ядерным терроризмом понимается совокупность намерений и действий отдельных лиц или группировок по созданию либо приобретению ядерного взрывного устройства с последующим его применением или угрозой применения для достижения декларируемых ими политических, социальных и иных целей. Из определения вытекает следствие: государство при реализации этих целей выводится за скобки, оно в лучшем для террористов случае старается их не замечать, а в худшем — преследует их. Вопрос о ядерном терроризме, когда государство само начинает играть роль террориста, также сегодня крайне актуален.

Информационный терроризм — это форма негативного воздействия на личность, общество и государство всеми видами информации. Его цель — ослабление и расшатывание конституционного строя. Он может осуществляться разнообразными силами и средствами — от агентуры иностранных спецслужб до внутренних и зарубежных СМИ.

«Цифровой джихад» в сфере использования информационных систем (по американской терминологии — «кибертерроризм») — это использование информационного оружия против информсистем критически важных объектов противника.

В современных условиях террористическая угроза постоянно усиливается. Она характеризуется следующими чертами:

1. Усиливается связь международного терроризма с трансграничной организованной преступностью, особенно с наркопреступностью, а также с пиратством, торговлей людьми и оружием.

2. Сохраняют актуальность вопросы устранения пробелов международно-правовой базы антитеррора и борьбы с другими связанными с терроризмом новыми вызовами и угрозами. В этой связи следует обеспечить исполнение принципа «либо выдай, либо суди», закрыть различные правовые лазейки и «тихие гавани» для террористов, в том числе прикрывающихся статусом беженца. Россия предлагает разработать универсальную конвенцию по вопросам выдачи и взаимной правовой помощи, в которой был бы и антитеррористический компонент. Еще одним элементом совершенствования договорной базы могла бы стать разработка международной конвенции по борьбе с киберпреступностью. Важно не допускать использования Интернета в террористических целях при соблюдении принципа верховенства закона, свободы слова и права на частную жизнь.

3. Необходимо продолжать линию на подключение к решению задач противодействия терроризму потенциала гражданского общества, СМИ, делового мира. В русле выдвинутой Россией инициативы государственно-частного антитеррористического партнерства реализуются соответствующие практические мероприятия, программы и проекты как в нашей стране, так и во многих других государствах.

Россия всегда выступает за комплексный подход в противодействии терроризму, за междисциплинарный подход, содействует целевой группе секретариата ООН по имплементации глобальной контртеррористической стратегии, объединившей более 30 структур, фондов, программ и подразделений ООН, а также Интерполу. У каждой из них свой профиль, однако каждая вносит свою «добавленную стоимость» в антитеррористический потенциал ООН.

Следует подчеркнуть, что в ответ на энергичные меры противодействия международный терроризм мутирует, вербует новых сторонников, в том числе террористов-смертников, изыскивает новые пути получения финансовых средств.

Проблема ограничения разработки и применения информационного оружия трансформировалась из технологической в политическую, так как, по данным ЦРУ, им занимаются свыше 120 стран мира, в то время как разработкой оружия массового поражения около 30¹³².

В рамках совершенствования Национальной стратегии безопасности киберпространства США было проведено исследование потенциалов ряда стран по ведению информационных войн¹³³. Исследование сосредоточивалось на оценке значения научно-технического и организационного потенциала в области информационно-коммуникационных технологий, способного привести к вторжению в критически важные компьютерные системы США, а также на изучении мотивов подобных действий со стороны суверенных государств. Одним из выводов исследования является утверждение о том, что процессы обработки информации являются важнейшей целью в современной войне. По мнению экспертов, реализация наиболее пессимистичного сценария, типа «электронного Пёрл-Харбора», в котором агрессор силами хакеров способен полностью вывести из строя сети связи и коммуникаций в США маловероятна.

На состоявшемся в ноябре 2010 г. в Лиссабоне саммите НАТО была принята новая стратегическая концепция. Ее 12-й пункт гласит, что кибератаки могут дойти до черты, которая подвергает опасности национальное и евроатлантическое благосостояние, безопасность и стабильность. За такими атаками могут стоять иностранные вооруженные силы и разведки, организованная преступность, террористические и экстремистские группы.

В июне 2009 г. министр обороны США заявил, что формируется особое объединение — Киберкомандование. В его ведении около 15 тыс. сетей, объединяющих 7 млн компьютеров и других устройств в 88 странах мира.

Среди задач по оснащению вооруженных сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой, определенных военной доктриной Российской Федерации, поставлены следующие: создание многофункциональных (многоцелевых) средств вооружения, военной и специальной техники с использованием унифицированных компонентов; развитие сил и средств информационного противоборства; качественное совершенствование средств информационного обмена на основе использования современных технологий и международных стандартов, а также единого информационного поля вооруженных сил и других войск как части информационного пространства Российской Федерации; создание новых образцов высокоточного оружия и развитие их информационного обеспечения; создание базовых информационно-управляющих систем и их интеграция с системами управления оружием и комплексами средств автоматизации органов управления стратегического, оперативно-стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического уровней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М., 1995; Советская историография. М., 1996; *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009; *Илиевский Н. В.* Проблемы и задачи современной историографии Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 4.

² Русский архив. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 12–25. М., 1993–2001.

³ Документы внешней политики. Т. 12–25. М., 1992–2010.

⁴ См., например: Советско-американские отношения 1939–1945. М., 2004; Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сб. документов. М., 1997; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1997; *Он же.* Сталин и Черчилль. М., 2004.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 1. Кн. 1–2. М., 1995; Т. 2. Кн. 1–2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1–2. М., 2003.

⁶ См.: Сталинградская эпопея. М., 2000; Агония и смерть Адольфа Гитлера. М., 2000; Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003.

⁷ Среди прочих можно указать: Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 — 20 июня 1941 г. Документы и материалы. М., 2004; Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1–2. М., 1997; Коминтерн и Гражданская война в Испании. Документы. М., 2001; Москва — Рим. Политика и дипломатия Кремля.

⁸ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998–1999. Кн. 1–4.

⁹ См.: *Томан Б. А.* Новое фундаментальное издание по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 3–16; Краткий обзор содержания всех четырех книг см.: *Паде-рин А. А.* Народ-победитель должен знать правду о войне // Отечественная история. 2000. № 3. С. 40–47.

¹⁰ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2002, 2005; Война и общество в XX веке: в 3 кн. М., 2008.

¹¹ Особенно выпукло данная точка зрения представлена, например, в книге: *Киришин Ю. Я.* Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). М., 2006.

¹² См., например: *Чубарьян А. О.* Этимология Второй мировой войны, ее ход и результаты // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8); *Золотарев В. А.* О фальсификации истории Великой Отечественной войны // Там же; *Сенявский А. С., Сенявская Е. С.* Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // 65 лет Великой Победы: в 6 т. М., 2010. Т. 1.

¹³ См.: *Чубарьян А. О.* Указ. соч. С. 13.

¹⁴ Там же; См. также: *Нарочницкая Н. А.* «Концерт великих держав» накануне решающих событий // 65 лет Великой Победы. Т. 6. С. 59–69.

¹⁵ См., например: *Мунтян М. А.* Канун и начало Второй мировой войны в оценках геополитики // 65 лет Великой Победы. Т. 1. С. 83–96; *Стегний П. В.* Геополитические императивы российской внешней политики. Ретроспективные аспекты (1648–1991) // Бюллетень научного совета ИРИ РАН «История международных отношений и внешней политики России». Вып. 1 (2002–2003). М., 2004. С. 31–32.

¹⁶ См., например: Другая война. М., 1996; *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941. М., 2000; *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. М., 2000; *Соколов Б. В.* Тайны Второй мировой. М., 2001; *Солонин М.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2006.

¹⁷ *Борозняк А. И.* Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX в. Екатеринбург, 2004.

¹⁸ *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009. С. 24.

¹⁹ См.: *Орлов А. С.* Третий рейх и Третий Рим. М., 1993; *Он же.* Сталин в преддверии войны. М., 2003; *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиною в век. М., 2004; *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. М., 1998; *Он же.* Сталин и Черчилль. М., 2004; *Фалин В.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; *Мировые войны XX века.* Кн. 3. М., 2002; *Война и общество в XX веке.* Кн. 2. М., 2008; и др.

²⁰ *Нарочницкая Н. А.* Указ. соч. С. 334.

²¹ *Вишнев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001; *Наумов А. О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы. М., 2007; *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. 1940–1941 гг. СПб., 2005; *Карлей М. Дж.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. М., 2005; *Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2001; *Марьина В. В.* Советский Союз и Чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. М., 2007; *Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?* М., 2009; *Мировые войны XX века.* Изд. 2-е. Кн. 3. М., 2005; *Шубин А. В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне: 1929–1941 годы. М., 2004.

²² См.: *Поздеева Л. В.* Дневник И. М. Майского. Из записей о британской политике 1938–1941 гг. // Новая и новейшая история. 2001. № 3; *Стегний П., Соколов В. И. М.* Майский: свидетельство очевидца (к 60-летию начала Второй мировой войны) // Международная жизнь. 1999. № 8.

²³ См.: *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Сталинизм и война. М., 1994. С. 195–196, 202; *Дашичев В. И.* Из истории сталинистской дипломатии // История и сталинизм. М., 1991. С. 147; подробнее см.: *Никифоров Ю. А.* Некоторые аспекты новейшей историографии советско-германских договоренностей 1939 года // Вопросы отечественной истории и историографии. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2001. С. 56–76.

²⁴ Этот тезис высказывался, например: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии. М., 1992; *Наджафов Д. Г.* Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова — Риббентропа // Война и политика. М., 1999. С. 85–105; *Служ С. З.* Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007. С. 4–25; и др.

²⁵ См., например: *Бушуева Т. С.* Отношения СССР и Польши в контексте общих проблем истории Второй мировой войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 259.

²⁶ См.: *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? (незапланированная дискуссия).* М., 1995; *Бобылёв П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5; *Данилов В. Д.* Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Комсомольская правда. 1992. 4 января; *Мельтюхов М. И.* «И на вражьей земле мы врага разобьем...» (Советский сценарий 41-го года) // Родина. 1995; *Безыменский Л. А.* О «Плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // Новая и новейшая история. 2000. № 3; и др.

²⁷ Красная звезда. 1991. 23 мая.

²⁸ Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 16.

²⁹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: в 7 т. Т. 5. С. 568–569.

³⁰ Подробнее см.: *Никифоров Ю. А.* Планировал ли Советский Союз накануне войны нанести упреждающий удар по Германии? // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8). С. 74–89.

³¹ См., например: *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 501–502; *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. М., 2000; *Кольковский В.* Рузвельт против Сталина. Победа США. Поражение СССР. М., 2004; *Солонин М.* 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? М., 2006; и др.

³² Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 419.

³³ Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 83.

³⁴ Куманёв Г. А., Курбанов В. В. Миф о «превентивной войне» и его буржуазные приверженцы // Буржуазная историография Второй мировой войны: анализ современных тенденций. М., 1985. С. 156.

³⁵ Герасимов Г. И. Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1.

³⁶ См.: Мельтюхов М. И. Репрессии в Красной армии: итоги новейших исследований // Отечественная история. 1997. № 5.

³⁷ См.: 1941 год — уроки и выводы. М., 1992; Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1; Исаев А. В. От Дубно до Ростова. М., 2004; Он же. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. М., 2010; Хазанов Д. Б. Битва за небо. 1941. От Днепра до Финского залива. М., 2007; Трагедия 1941 года. Причины катастрофы. М., 2008; Лопуховский Л. Н., Кавалерчик Б. К. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. М., 2010; и др.

³⁸ Об этом см.: Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина. М., 2010; Правда о генерале Власове. Сб. статей. СПб., 2009.

³⁹ См., например: Верёвкин С. Самая запретная книга во Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М., 2009.

⁴⁰ Попов Г. Х. Три войны Сталина. М., 2007. С. 78.

⁴¹ Александров К. М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сб. статей и материалов. СПб., 2003. С. 12.

⁴² Почему Гитлер проиграл войну? Немецкий взгляд. М., 2009. С. 168.

⁴³ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Ковалёв Б. П. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004; Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 293–305; и др.

⁴⁴ Окороков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 31.

⁴⁵ См.: Рубцов Ю. В. Штрафники Великой Отечественной. В жизни и на экране. М., 2007.

⁴⁶ Beevor F. Berlin: The Downfall 1945. L., 2002.

⁴⁷ Лаврёнов С. Я., Попов И. М. Крах Третьего рейха. М., 2000.

⁴⁸ Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 625.

⁴⁹ Солонин М. Весна Победы. Забытое преступление Сталина // Персональный сайт историка Марка Солонина. <http://www.solonin.org/full.php?show=content&id=212&type=stat>.

⁵⁰ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М., 1999. С. 229.

⁵¹ Военно-исторический архив. 2000. № 10.

⁵² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993; Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001; Изд. 2-е. М., 2005; Людские потери СССР в Великой Отечественной войне. СПб., 1995; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. М., 2001; Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010; Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь М., 2010; и др.

⁵³ In: Command Decisions / Ed. With Introductory Essay by κ Greenfield. Washington, 1987. P. 502–513; Truman H. Memoirs. Vol. 1. Year of Decisions. N. Y., 1955. P. 72, 306; см. также: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 43; Касаясь задач, которые Г. Трумэн ставил перед собой на конференции, Ч. Болен отмечает, что «больше всего он хотел бы удостовериться, что Кремль будет соблюдать соглашение о вступлении в войну против Японии» (цит. по: Сиполс В. Я. На пути к великой победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 437); США — экономика, политика, идеология. 1985. № 7. С. 60–61.

⁵⁴ Bulletin of History. 1949. № 143. P. 30.

⁵⁵ Борковский М. Мидуэй / Пер. с польск. М., 2002.

⁵⁶ MacArthur D. Reminiscences. N. Y., 1965. P. 260–261.

⁵⁷ Action E. Russia the Present and the Past. L., N. Y., 1986. P. 252.

⁵⁸ *Dupuy R., Dupuy T.* The Encyclopedia of Military History from 3500 B. C. to the Present (Second Revised Edition). N. Y., 1986. P. 1188.

⁵⁹ In: Japan Echo. 1984. № 11.

⁶⁰ См., например: История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1980. Т. 11; М., 1982. Т. 12; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 360; *Он же.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 302–303.

⁶¹ *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985.

⁶² In: *ibid.*

⁶³ *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis (Maryland), 1979.

⁶⁴ *Spector R.* Eagle Against the Sun. P. 555.

⁶⁵ *Зимонин В. П.* Канун и финал Второй мировой. Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру (историографический анализ). М., 2010. С. 49; *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 456–463.

⁶⁶ Вторая мировая война. Краткая история. С. 430–432; *Можейко И. В., Узянов А. Н.* История Бирмы (краткий очерк). М., 1973. С. 24; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 91; *Бутурлинов В. Ф., Вартапов В. Н., Зимонин В. П.* и др. Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 288.

⁶⁷ Command Decisions. P. 510; *Dull P.* A Battle History. P. 342.

⁶⁸ The Japan Times. 1984. 15 August.

⁶⁹ Кокубо. 1981. № 11. С. 55. В этой связи нелишне вновь вспомнить и высказывание-установку Г. Трумэна перед историками США в 1947 г. о том, что «Россия не внесла никакого военного вклада в победу над Японией» (Bulletin of History. 1949. №. 143. P. 30).

⁷⁰ *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. L., 1954. P. 552.

⁷¹ Цит. по: *Чжу Гуйшен, Ван Чжэньдэ, Чжан Чуньнань.* Диэрцы шицзе дачжань ши. С. 702.

⁷² History of the Second World War. L., 1968. Vol. 6. № 16. P. 2648.

⁷³ *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С. 192.

⁷⁴ Цит. по: *Борисов О. Б., Бутурлинов В. Ф., Носков А. М., Шебеньков Ю. М.* Победа на Востоке. С. 73.

⁷⁵ Цит. по: *Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии / Пер. с яп. М., 1955. С. 263–264.

⁷⁶ *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. С. 207, 324–325.

⁷⁷ См., например: *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 17.

⁷⁸ См., например: *Авторханов А.* Закулисная история пакта «Риббентроп — Молотов» // Континент. 1975. № 4; *Гнедин Е. А.* Из истории отношений между СССР и фашистской Германией: Документы и современные комментарии. Нью-Йорк, 1977; *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: в 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1982; *Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. (Алексеев Ю. А.).* Измена Родине. М., 1995; *Фельштинский Ю.* Перед войной 1941–1945 гг. Советско-нацистский сговор о разделе мира // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1985. № 5; и др.

⁷⁹ Положение о Комиссии и ее состав. См.: 65 лет Великой Победы. Т. 6. С. 7–9.

⁸⁰ См., например: *Сенявский А. А., Сенявская Е. С.* Поле боя — историческая память // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1; *Гареев М. А.* Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008. Ч. 3. С. 401–528; *Миронов С. М.* Фальсификация истории — угроза современности // 65 лет Великой Победы. М., 2010. Т. 1; *Гончаров В.* История или пропаганда? // Великая Отечественная катастрофа — 3. М., 2008; *Юсуповский А.* Историческая правда в роли пропагандистской лжи: деонтологическая война с Россией // Загадочная Отечественная война. М., 2008; *Лысков Д.* «Капуста» на службе ревизионизма // Там же; и др.

⁸¹ *Патрушев Н.* И О некоторых уроках истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Совета безопасности Российской Федерации. 2010. № 2 (8). С. 9.

⁸² *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 13.

⁸³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М., 1960–1965.

⁸⁴ История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М., 1973–1982.

⁸⁵ Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии): в 110 т.

- ⁸⁶ Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 184.
- ⁸⁷ The Presidential Transcripts. In conjunction with the stuff of the Washington Post. N. Y., 1974. P. 91.
- ⁸⁸ Верёвкин С. Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М., 2009. С. 8.
- ⁸⁹ Бессрочная акция «антипобеда»: yun.complife.ru/miscell/antivict.htm.
- ⁹⁰ Подрабинек А. Как антисоветчик антисоветчикам... // Ежедневный журнал. 2009. 21 сентября. <http://www.ej.ru/?a=note&id=9467>.
- ⁹¹ История России. 1939–2007 / Под. ред. А. Б. Зубова. М., 2009.
- ⁹² Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 103.
- ⁹³ Stein H. George. The Waffen SS: Hitler's Elite Guard at War, 1939–1945. N. Y., 1984. P. 126.
- ⁹⁴ Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 39.
- ⁹⁵ Die Veigangenheit warnt. Praha, 1960. S. 59–69, 88–89.
- ⁹⁶ Журнал «Скепсис» (scepsis.ru), перевод из Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 1958. № 3.
- ⁹⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов (далее — ЦГАИПД). Санкт-Петербург. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6. Цит. по: Ковалёв Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород, 2009.
- ⁹⁸ ЦГАИПД. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.
- ⁹⁹ Ковалёв Б. Н. Указ. соч. С. 164.
- ¹⁰⁰ Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999. С. 356.
- ¹⁰¹ Ковалёв Б. Н. Указ. соч. С. 165.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Там же. С. 224.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938. С. 166.
- ¹⁰⁶ Русский журнал. 22 июня 2005 г. http://old.russ.ru/culture/20050622_tsig.html.
- ¹⁰⁷ См.: Колесник А. Ополченческие формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. М., 1988.
- ¹⁰⁸ См.: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2010.
- ¹⁰⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.
- ¹¹⁰ Всего немецкие военные суды вынесли своим солдатам и офицерам 30 тыс. смертных приговоров, в 15 тыс. случаев они были приведены в исполнение: можно сказать, что военной юстицией было уничтожено почти две дивизии вермахта (см.: Кноп Г. История вермахта. Итоги. СПб., 2009); Вовсю зверствовали «летучие военно-полевые суды» (Fliegende Standgerichte). Эту необыкновенную по сравнению с Первой мировой войной жесткость нацистской военной юстиции можно объяснить только проникновением в сознание юристов нацистской идеологии. Для сравнения: в годы Первой мировой в немецкой армии были расстреляны 48 солдат за различные преступления (см.: Messerschmidt M. Die Wehrmachtjustiz 1933–1945. Paderborn, 2005).
- ¹¹¹ История России. 1939–2007. С. 85.
- ¹¹² Там же. С. 86.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Дёрп Г. Поход на Сталинград. Оперативный обзор. М., 1957. С. 15.
- ¹¹⁵ Бивор Э. Падение Берлина. 1945 / Пер. с англ. М., 2004. С. 358.
- ¹¹⁶ Брошенные в Берлине // Le Monde. 2008. 24 декабря.
- ¹¹⁷ Геббельс Й. Последние записи. Смоленск, 1998. С. 67.
- ¹¹⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 16 (5–4). Ставка ВГК. Документы и материалы 1944–1945. М., 1999. С. 229.
- ¹¹⁹ Irving D. Nuremberg: The Last Battle. L., 1996. P. 17.
- ¹²⁰ Безыменский Л. Человек за спиной Гитлера. С. 238–239.
- ¹²¹ См.: История историки: историография Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1999.
- ¹²² Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12 (1). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993; Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы

совещания высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 г. М., 1997; Т. 13 (2). Приказы народного комиссара обороны СССР 1937–1945 гг.: в 3 т. Т. 13 (2–1). 1937–1941 гг. М., 1994; Т. 13 (2-2). 1942 г. М., 1997; Т. 13 (2-3). 1943–1945 гг. М., 1997; Т. 14 (3-1). СССР и Польша. Документы и материалы. М., 1997; Т. 14 (3-2). Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945 гг. М., 2000; Т. 15 (4-3). Прелюдия Курской битвы. Документы и материалы. М., 1997; Т. 15 (4-4). Курская битва. Документы и материалы 27 марта — 23 августа 1943 г. М., 1997; Т. 15 (4-5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). Документы и материалы. М., 1996; Т. 16 (5). Ставка ВГК. Документы и материалы: в 4 т. Т. 16 (5-1). 1941 г. М., 1996; Т. 16 (5-2). 1942 г. М., 1996; Т. 16 (5-3). 1943 г. М., 1999; Т. 16 (5-4). 1944–1945 гг. М., 1999; Т. 17 (1-2). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945. Документы и материалы. М., 1998; Т. 18 (7). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы; Т. 18 (7-1). М., 1997; Т. 18 (7-2). М., 2000; Т. 20 (9). Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1999; Т. 21 (10). Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны. М., 1996; Т. 23 (12). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы: в 4 т. Т. 23 (12-1). 1941 год. М., 1998; Т. 23 (12-2). 1942 год. М., 1999; Т. 23 (12-3). 1943 год. М., 1999; Т. 24 (13-1). Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. М., 1996; Т. 24 (13-2). Немецкие военнопленные в СССР. Документы и материалы 1941–1945 гг. М., 1999; Т. 25 (14). Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1998.

¹²³ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Изд. 6-е. М., 1988. Т. 2. С. 29–30.

¹²⁴ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. М., 1996. Т. 2. С. 266, 270, 273, 275, 277–278.

¹²⁵ Стратегические решения и вооруженные силы. М., 1995. Т. 1; М., 1997. Т. 2; Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. Т. 1–2. М., 2000.

¹²⁶ Народ и война. 50 лет великой победы. СПб., 1995. С. 325–326.

¹²⁷ *Козлов В. П.* Об использовании документов российских архивов // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 77–78.

¹²⁸ См.: Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. М., 2011. С. 21.

¹²⁹ Войны первого поколения относятся к рабовладельческому и раннефеодальному периодам социума, второго — обусловлены появлением пороха и гладкоствольного оружия, третьего — использованием нарезного стрелкового оружия и нарезной артиллерии.

¹³⁰ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 2010. 10 февраля.

¹³¹ См.: Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов. М., 2011.

¹³² Там же. С. 183.

¹³³ См.: Россия внесена в число представляющих угрозу Америке, http://netskop.ru/internet/news_2010-12-30-11-42-40-798.html.